

Мамбур

переводчика

81.07

577216

T37

ТЕТРАДИ

ПЕРЕВОДЧИКА

1967


577216





# ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией доктора филологических наук  
профессора Л. С. БАРХУДАРОВА*

577216



Издательство  
*„Международные отношения“*  
Москва 1967

Ученые записки № 4

Сборник издается на общественных началах

*Редакционная коллегия:*

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, А. В. Кунин,  
В. И. Тархов (отв. ред.), Г. Я. Туровер,  
М. Я. Цвиллинг

# I. Вопросы теории и истории перевода

---

Валентин Дмитриев  
(Москва)

## ПЕРЕВОДЫ «ИНТЕРНАЦИОНАЛА» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Прошло уже три четверти века с тех пор, как впервые прозвучала песня, ставшая гимном пролетариев всего мира, гимном Коммунистической партии Советского Союза и бывшая до 1944 года гимном Советского государства.

Ни одна песня не сделалась такой массовой, не получила столь широкого распространения, как этот гимн, призывающий трудящихся всех стран к борьбе за свержение капиталистического гнета, за светлое будущее человечества, за торжество нового строя.

Автора текста «Интернационала» Эжена Потье (1816—1887 гг.) В. И. Ленин назвал «одним из самых великих пропагандистов посредством песни»<sup>1</sup>. Очень высоко расценивая значение этого гимна, он писал: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала»<sup>2</sup>.

Но для того, чтобы эта песня стала близкой и понятной пролетариату каждой страны, нужно было сначала п е р е - в е с т и ее с французского языка на родной язык этого пролетариата.

Перед каждым переводчиком «Интернационала» стояла труднейшая, ответственная, но благородная задача: со-

<sup>1</sup> В. И. Л е н и н. Евгений Потье. Сочинения. Изд. 5-е, т. 22, стр. 273.

<sup>2</sup> Т а м ж е.

хранить и пламенность призывов, и поэтичность образов, и точность формулировок, которые почти дословно отражали лозунги, провозглашенные в учредительном манифесте и уставе Первого Интернационала, основанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1864 году.

Лишь тот, кто проникся духом этой замечательной песни, кто знал историю ее возникновения, биографию ее автора — мог, при наличии вдобавок незаурядного поэтического таланта, дать на родном языке сколько-нибудь равноценное ее переложение. И недаром наиболее удачные переводы «Интернационала», этой азбуки классовой борьбы, получались у тех, кто сам принимал активное участие в такой борьбе, подобно его автору, который создал свое бессмертное произведение, скрываясь в подполье после разгрома Парижской коммуны в мае 1871 года.

Гимн этот не скоро стал международным, не скоро зазвучал на всех языках. Даже на своей родине, во Франции, он был впервые напечатан только через шестнадцать лет, в 1887 году, за несколько месяцев до смерти Потье. Популярность среди французских рабочих «Интернационал» приобрел с тех пор, как Пьер Дегейтер, лильский рабочий-деревообделочник и композитор-самоучка, сочинил в 1887 году музыку к нему. Лишь после этого «Интернационал» начали переводить на европейские языки, в первую очередь на немецкий, английский, итальянский.

Первое упоминание об «Интернационале» в русской печати — это заметка в ленинской «Искре» (декабрь 1900 г., № 1) о пятом конгрессе Второго Интернационала, происходившем в Париже. Сообщив, что этот конгресс начал и кончил свою работу под звуки пролетарского гимна, и приведя его припев по-французски, газета дает прозаический перевод этих четырех строчек: «Это — последняя борьба. Сплотимся же, и Международное товарищество рабочих завтра охватит весь человеческий род».

Но уже тогда, на рубеже прошлого и нынешнего века, пришел черед стихотворного перевода гимна и на русский язык.

В 1899 году состоялся Первый конгресс французских социалистических партий. На заключительном его заседании присутствовал А. Я. Коц, русский революционер-эмигрант, учившийся тогда в Парижском горном институте. Пение «Интернационала», которым завершилось это заседание, произвело на А. Коца, по его словам, неизгла-



димое впечатление; слова гимна глубоко запали ему в душу, и он загорелся желанием воспроизвести их на родном языке.

Попытки перевести «Интернационал», как сообщает В. Д. Бонч-Бруевич<sup>3</sup>, делались и ранее, но были неудачны. Перевод же А. Коца, отличавшийся большими художественными достоинствами, сразу нашел путь в народные массы, несмотря на то что в тогдашней России он мог распространяться лишь нелегально.

Впервые этот перевод был напечатан в 1902 году (без указания фамилий автора и переводчика) в лондонском журнале русской социал-демократической партии «Жизнь»<sup>4</sup>, а в 1903 году — в брошюрах «Песни жизни»<sup>5</sup> и «Революционные песни»<sup>6</sup>, вышедших в Женеве. Этот перевод вошел в сборник стихотворений А. Коца «Песни пролетариев»<sup>7</sup>, изданный в 1907 году в С.-Петербурге под псевдонимом «Д-нь» и сразу же уничтоженный по приказу цензуры.

Но в основном текст «Интернационала» распространялся в рукописных списках, заучивался со слов; на занятиях рабочих кружков слушатели часто просили продиктовать им этот текст. Решительно никому не было тогда известно, кто написал и кто перевел текст гимна, кто создал музыку к нему. Но это нисколько не мешало тому, что он сделался любимой песней русских рабочих и студентов.

«Интернационал» имел исключительно большое значение для революционной пропаганды в России. Нельзя было точнее и выразительнее передать чаяния русского пролетариата. Чаше, чем «Отречемся от старого мира» и другие песни, международный гимн рабочего класса зазвучал на сходках, маевках, демонстрациях, а с особенно грозной силой — в дни забастовок. По словам Д. Фурманова, «это был наш путеводный гимн, самая дорогая, за-

---

<sup>3</sup> В. Д. Бонч-Бруевич. Автор «Интернационала». «На литературном посту», 1931, № 2.

<sup>4</sup> «Жизнь», орган Российской социал-демократической рабочей партии. Лондон, 1902, № 5, стр. 201.

<sup>5</sup> «Песни жизни» (библиотека русского пролетария, № 1). Женева, Изд. А. Куклина, 1903, стр. 6.

<sup>6</sup> «Революционные песни». Женева, Изд. А. Куклина, 1903, стр. 6.

<sup>7</sup> «Д-нь. Песни пролетариев». СПб, Изд. «Наш голос», 1907, стр. 10.

ветная песня»<sup>8</sup>. Эта боевая песня была, как пишет ее переводчик А. Коц, «песней великого гнева и великой надежды трудящихся»<sup>9</sup>, а потом, когда эти надежды сбылись — она стала песней их победы.

В 1905 году перевод А. Коца был напечатан сразу в десятках сборников революционных песен, выходивших в те дни чуть ли не в каждом большом русском городе. То же, в еще более крупных масштабах, повторилось после Февральской революции. «Правда» поместила его в первом же своем номере<sup>10</sup>. А после Октябрьской социалистической революции гимн зазвучал по-новому: вместо «Это будет последний...» стали петь: «Это есть наш последний...».

Став гимном Советской страны, «Интернационал» приобрел новое звучание. Не одно поколение коммунистов и комсомольцев шло в бой с его словами на устах. Его запели перед казнью руководители молодогвардейцев Краснодона. С пением «Интернационала» шли в свой последний путь советские летчики, осужденные фашистами на смерть за побег из Дахау...

Словом, перевод А. Коца сыграл колоссальную роль и в истории русской революции, и в истории советской страны.

Однако перевод этот был неполон: он давал лишь половину песни, а именно — первые две строфы и последнюю.

Одной из причин, побудивших А. Коца ограничиться этими строфами, явились, несомненно, условия распространения песни в царской России. На нелегальных сходках и маевках петь длинные революционные песни не было возможности; к тому же переписывать и запоминать песню из трех строф тоже было куда легче.

Впоследствии сам А. Коц в письме В. Бонч-Бруевичу так мотивировал сделанные им сокращения:

«Я остановился тогда на трех строфах лишь затем, чтобы, сделав песню короче, облегчить ее усвоение, ускорить доступ в массы ее крылатых лозунгов. Я выбрал те из шести строф, которые казались мне тогда наиболее боевыми и для наших условий наиболее подходящими: первую строфу — как самую важную по содержанию и

<sup>8</sup> Д. И. Ф у р м а н о в. Собрание сочинений, том 3, М., 1961, стр. 61.

<sup>9</sup> А. Я. К о ц. Наш гимн. «Звезда», 1937, № 11, стр. 319.

<sup>10</sup> «Правда», 1917, № 1 от 5 (18) марта.

наилучшую по форме; вторую — как подчеркивающую классовую сущность рабочего движения и вместе с тем направленную против бога и царя; и последнюю — как направленную против собственности на землю».

Даже в наше время во всех изданиях гимна печатаются только три строфы, первоначально переведенные А. Коцем.

Между тем пропущенные им строфы тоже имеют немало-важное значение, написаны с не меньшим пафосом, чем три широко известные строфы, и не менее, чем они, насыщены политическим содержанием: в них говорится о взаимосвязи прав и обязанностей всех членов общества, об экспроприации экспроприаторов, об отпоре милитаристам.

В период русской революции 1905 года поэт Н. Минский перевел первую строфу «Интернационала» и припев.

В 1907 году появился третий перевод, напечатанный (без указания фамилии переводчика) в органе эсеров «За дело»<sup>11</sup>. В этом переводе не хватало лишь одной строфы (пятой, антивоенной). Еще раз этот перевод был помещен (рядом с переводом А. Коца) в сборнике революционных песен, вышедших в Киеве в 1917 году<sup>12</sup>.

В 1918 году редактор газеты «Известия ВЦИК» Ю. Стеклов обратился на ее страницах к поэтам с призывом дать полный перевод гимна. Вскоре появились переводы трех пропущенных А. Коцем строф, сделанные Н. Теркиным<sup>13</sup> и А. Гуцевичем<sup>14</sup>. В двадцатые годы был напечатан еще один перевод этих строф<sup>15</sup>, принадлежавший перу старого революционера А. А. Богданова. Наконец, в 1931 году перевел пропущенные строфы и сам А. Коц, но этот перевод<sup>16</sup> увидел свет лишь в 1937 году.

Перевод А. Коца, при всех его неоспоримых художественных достоинствах и огромной силе эмоционального воздействия, был не вполне точен. А. Дымшиц, комментируя творчество А. Коца, называет его перевод «Интерна-

---

<sup>11</sup> «За дело», орган Петербургской организации социалистов-революционеров-максималистов. СПб, 1907, № 1, стр. 3—4.

<sup>12</sup> «Песни борьбы до конца». Киев, тип. «Друкарь польский», авг. 1919, стр. 6—7.

<sup>13</sup> «Известия ВЦИК». 1919, № 20, 30 января, стр. 1.

<sup>14</sup> Ю. Стеклов. Поэзия революционного социализма. М., 1919, стр. 103.

<sup>15</sup> «Интернационал», гимн трудящихся (ноты с текстом). Изд. Владивостокского отделения Госкниги (год не указан).

<sup>16</sup> А. Я. Коц. Наш гимн. «Звезда», 1937, № 11.

ционала» вольным<sup>17</sup>. Ю. Данилин в своих комментариях к этому переводу<sup>18</sup> отмечает, что он «местами несколько далек от оригинала».

Этого нельзя ставить в упрек автору перевода, способствовавшего росту революционного самосознания нескольких поколений русских рабочих. Из дальнейшего анализа будет видно, что некоторые отступления от оригинала не ослабили, а усилили перевод, а главное — приблизили его к условиям тогдашней русской действительности. Эти отступления (их немного) целиком выдержаны в общем духе гимна и так органически сливаются с текстом, что заметить их можно лишь при тщательном сличении с подлинником.

После Октябрьской социалистической революции «Интернационал» еще неоднократно переводили на русский язык. Отчасти причиной этого была неполнота перевода А. Коца, но главное — в другом. Всякое выдающееся явление мировой литературы привлекало к себе внимание многих переводчиков, стремившихся, каждый по-своему, воспроизвести его на родном языке или как можно точнее, или как можно звучнее, или как можно образнее и выразительнее. «Фауста», «Гамлета», «Витязя в тигровой шкуре» переводили на русский язык по многу раз; не раз переводились и «Марсельеза», и «Карманьола». Существует шесть переводов поэмы А. Блока «Двенадцать» на английский язык, четыре перевода «Интернационала» на чешский и немецкий, три — на венгерский, два — на английский и т. д.

Каждый перевод имеет свои особенности, свои достоинства и недостатки, зависящие и от таланта переводчика, и от его мировоззрения, и от степени владения им обоими языками, связь между которыми он устанавливает, и, наконец, от тех принципов художественного перевода, которых он придерживается.

Вовсе не обязательно, чтобы один какой-нибудь перевод был лучше всех остальных; некоторые переводы имеют равные права на существование, на любовь читателей. Одни места могут получиться лучше у одного переводчика, другие — у другого.

<sup>17</sup> А. Я. Коц. Стихотворения. М., ГИХЛ, 1957. Комментарий, стр. 140.

<sup>18</sup> «Антология поэзии Парижской коммуны». М., ГИХЛ, 1948. Комментарий, стр. 366.

Представляет большой интерес сравнить, как воспроизвели разные переводчики один и тот же образ, одну и ту же мысль, одно и то же трудное для передачи место. Иногда даже имеет смысл печатать произведение в нескольких переводах, чтобы дать читателям возможность самим судить о них. К сожалению, это не практикуется.

Нами выявлено (без перевода А. Коца) 13 переводов «Интернационала» на русский язык. Откликнувшись на призыв Ю. Стеклова, полностью перевели гимн А. Тиртейский<sup>19</sup>, А. Зарницын<sup>20</sup>, И. Смирнов<sup>21</sup>, С. Гусляров<sup>22</sup>. В дальнейшем появились новые переводы: в 1921 году — С. Френкеля<sup>23</sup> (с пропуском второй строфы); в 1927 году — С. Заяицкого совместно с Л. Остроумовым<sup>24</sup>; в 1932 году — А. Гатова<sup>25</sup> и в 1948 году — автора этих строк<sup>26</sup>. Остальные переводы упомянуты выше.

Рассмотрим сначала поэтические параметры переводов: метрику, рифмовку.

Все переводчики избрали четырехстопный ямб (в припеве — трехстопный). Исключение составляет перевод Минского, где в последней строке вместо четырех стоп — шесть: «Сегодня мы ничто, а завтра будем всем».

Выбор метрического размера был продиктован мелодией Дегейтера. Можно перевести «Интернационал» и анапестом, но тогда к нему пришлось бы написать другую музыку.

Однако в первых двух строчках припева мелодия Дегейтера требует именно анапеста, ибо музыкальные ударения стоят на третьем и шестом слогах:

C'est la lùtte finale :  
Groupons-nous, et demain...

---

<sup>19</sup> «Вестник Лужского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 1919, апрель.

<sup>20</sup> «Известия ВЦИК», 1919, № 20, 30 января, стр. 1.

<sup>21</sup> Ю. С т е к л о в. Поэзия революционного социализма. М., 1919, стр. 106.

<sup>22</sup> Т а м ж е, стр. 108.

<sup>23</sup> «Творчество», 1921, № 1—3.

<sup>24</sup> С. З а я и ц к и й и Л. О с т р о у м о в. Революционная поэзия на Западе. М., 1927, стр. 60.

<sup>25</sup> Э. П о т ь е. Песни. М., ГИХЛ, 1932, стр. 66.

<sup>26</sup> «Антология поэзии Парижской коммуны». М., ГИХЛ, 1948, стр. 366—367.

Этого не учли некоторые переводчики; в результате их текст припева нельзя петь на мотив «Интернационала», например:

Плечом к плечу мы встали,	Бороться смело будем
Идем в последний бой...	За светлый идеал...
(Т и р т.)	(С м и р.)

Здесь сохранен ямб. Не укладывается в мелодию припев и в переводе Гуслярова, данный весь анапестом, а также перевод Заяицкого и Остроумова, где третья строка является амфибрахией: «Народы сольются...»

Переход анапеста в ямб в большинстве переводов сглажен пиррихиями.

Рифмовка оригинала, как в смысле расположения рифм, так и в смысле их характера (мужские, женские) соблюдена всеми переводчиками, кроме А. Коца. Последний совсем не зарифмовал первую и третью строки припева («последний — Интернационалом»), а также начало последней строфы («всемирной — право»). Неточны рифмы «добро — горячо» во второй строфе, «заставят — направим» — в пятой. Однако содержание во всех этих случаях настолько насыщено, настолько доминирует над формой, что дефекты рифмовки почти не воспринимаются ни при чтении, ни при пении.

Перейдем к анализу отдельных строф гимна.

### *Первая строфа:*

Debout ! les damnés de la terre !  
Debout ! les forçats de la faim !  
La raison tonne en son cratère,  
C'est l'éruption de la fin.  
Du passé faisons table rase,  
Foule esclave, debout ! debout !  
Le monde va changer de base ;  
Nous ne sommes rien, soyons tout !

Эта строфа — самая яркая по эмоциональной окраске. В ней — прямой призыв к восстанию, к активным действиям: старый мир должен быть преобразован весь, целиком.

Обращаясь к угнетенным и поработанным людям всей земли, Потье называет их «проклятыми» (damnés), «каторжниками голода», «толпой рабов». Все это передано А. Коцем с достаточной точностью:

Вставай, проклятем заклеянный  
Весь мир голодных и рабов!

Остальные переводчики тоже постарались отразить основные условия жизни пролетариата — нужду, угнетение, недоедание:

Встань, народ порабощенный!  
Вперед, колодники нужды!  
(З а р н.)

Вставайте, проклятые люди,  
Вставайте, голода рабы!  
(Т и р т.)

Голодный мир с проклятой  
долей  
Забитых, загнанных рабов...  
(Г у с л.)

Вставайте, жизни каторжане!  
(анон.)

Призыв «Debout», которым начинается гимн, повторяется в строфе еще трижды, чем достигается усиление его эмоционального воздействия. В переводе А. Коца этого повтора нет; исчез он и в большинстве других переводов, где это слово на протяжении строфы передано по-разному: то «вставай», то «встань», то «вперед».

Не все переводчики, в том числе и А. Коц, сохранили яркое, образное сравнение людского разума с вулканом. Эту метафору можно найти лишь в немногих переводах:

Уже ворчит вулкан огромный  
И изверженья мести ждет  
(Ф р е н к.)

Подземные грохочут силы.

(М и н.)

Мысль пробудилась в вулкане  
(анон.)

В некоторых переводах извержение заменено взрывом:

И близок страшный взрыв вражды  
(З а р н.)

В переводах Смирнова и Гуслярова, вообще очень слабых, это место никак не передано и заменено отсебятиной:

Бери свой меч! Борьба в разгаре,  
Погибнет тот, кто духом слаб.  
(С м и р н.)

Некоторые «издержки перевода» у А. Коца возмещаются удачными находками в других местах этой строфы. Так, «мир насилия» — богаче, сильнее, чем «прошлое» оригинала, сохраненное в ряде других переводов.

Так же усилил А. Коц строку «Le monde va changer de base», переведя ее «Мы наш, мы новый мир построим», то есть подчеркнув, что мир не просто изменится сам по

себе, а будет заново создан самим рабочим классом. От такого усиления, нисколько не противоречащего мысли автора, перевод только выиграл.

Другие переводчики пытались передать это место точнее: «Изменит мир свои основы» (Зарн.), «Изменим мир до основания» (Френк), «Разрушим старые основы» (Тирт.) и т. д.

Явно изменило чутье Заяицкому и Остроумову, которые, буквально переведя слово «base», испортили прекрасную строфу, не уступавшую переводу А. Коца:

Рабы нужды, вставайте разом,  
Вставайте, узники, вперед!  
В своей глуби клокочет разум,  
И час для взрыва настает.  
Все прошлое сотрем мы сразу.  
Толпа рабов, вперед, вперед!  
Весь мир свою изменит базу,  
Кто был ничем — всем будет тот.

У А. Коца слово «base» умело использовано в предыдущей строке для перевода идиомы «faire table rase»: «мы разроем до основания». Правда, здесь уместнее «разрушим»; обычно так и поют, в ущерб рифме. В оригинале эта идиома связана со словом «passé», выпавшим у А. Коца. В других переводах эта связь сохранена: «Сметем мы прошлое совсем» (Френк.) «Сметем уклад многовековый» (Зарн.), «Разрушим старые основы» (Тирт.), «С земли сотрем былого зданье» (анон.).

Все переводчики стремились точно передать последнюю строку о роли рабочего класса как гегемона революции. Здесь на первое место следует поставить решение А. Коца: «Кто был ничем, тот станет всем», очень выигравшее от внутренней рифмы, которой в других переводах нет: «Из ничего мы будем всем» (Френк., Смирн). «Кто был ничем — всем будет тот» (Тирт., Остр.), «Мы в нем — ничто, а будем всё» (Зарн.).

*Припев:*

C'est la lutte finale !  
Groupons-nous, et demain  
L'Internationale  
Sera le genre humain.

Значение припева во всякой песне огромно: это — и связующее звено между строфами, и энергичная концовка,



и квинтэссенция смысла песни. Понятно поэтому, как важно хорошо перевести припев.

Недаром В. И. Ленин так часто цитировал именно припев гимна, неоднократно упоминая о «последнем и решительном бое»<sup>27, 28</sup>.

Большая заслуга А. Коца в том, что он точно передал первую строку припева (правда, пожертвовав ради этого и рифмой, и второй строкой).

Ряд переводчиков переставил слово «Интернационал» в конец припева:

Пусть отряды сомкнутся,  
Бой последний настал.  
Народы сольются  
В Интернационал!  
(О с т р.)

Страшный бой закипает,  
Час последний настал.  
Людей соединяет  
Интернационал.  
(Ф р е н к.)

Некоторые переводчики, стремясь сохранить это слово там, где оно в оригинале, и дать рифму к нему, ради этого изменили смысл первых двух строчек припева, несмотря на все их значение:

Мы под знаменем алым  
Победим, и тогда  
Интернационалом  
Весь будет мир труда.  
(З а р н.)

Точно передав начало припева, А. Коц, однако, не отразил в своем переводе другое, не менее важное, его место. Мы говорим о второй строке, призывающей к объединению («Groupons-pous», т. е. «Сплотимся!») и отражающей бессмертный лозунг Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот призыв у А. Коца выпал; вместо него дан добавочный эпитет к слову «бой».

Выпадение призыва «Groupons-pous» привело к тому, что в переводе А. Коца последние строки припева понимаются неверно. Слова «с Интернационалом воспрянет род людской» имеют теперь для нас смысл «воспрянет с пением

---

<sup>27</sup> В. И. Л е н и н. Доклад о продналоге на X Всероссийской конференции ВКП(б) 26—28 мая 1921 г. Сочинения. Изд. 4-е, т. 32, стр. 408.

<sup>28</sup> В. И. Л е н и н. Политический отчет ЦК ВКП(б) на XI съезде партии 22 марта 1922 г. Сочинения. Изд. 4-е, т. 33, стр. 247.



Никто не даст нам полной воли,  
 Ни бог, ни царь и ни герой.  
 Мы сами мощью нашей воли  
 Воздвигнем новый светлый строй.  
 Чтоб легче свергнуть гнет позорный,  
 Чтоб не склониться пред мечом,—  
 Дружнее куйте, ладя горны,  
 Пока железо горячо!

(З а р н.)

### *Третья строфа:*

L'Etat comprime et la loi triche ;  
 L'impôt saigne le malheureux ;  
 Nul devoir ne s'impose au riche ;  
 Le droit du pauvre est un mot creux.  
 C'est assez languir en tutelle,  
 L'égalité veut d'autres lois ;  
 «Pas de droits sans devoirs, dit-elle,  
 Egaux, pas de devoirs sans droits !»

Эта строфа посвящена правовому положению враждующих классов в капиталистическом обществе. И здесь Потье исходит из устава Первого Интернационала, где говорится: «Борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за *равные права и обязанности* (выделено нами) и за уничтожение всякого классового господства»<sup>31</sup>.

К этой теме Потье возвращался не раз (сонет «Права и долг»).

Эта строфа вносит существенную поправку в «Права человека и гражданина», провозглашенные французской революцией конца XVIII века. Уже недостаточно объявить, что все равны от рождения, недостаточно отменить титулы: права каждого должны быть неразрывно связаны с его обязанностями по отношению к обществу, к другим людям; только тогда будет достигнуто настоящее равенство. Об этом говорит лозунг, четко сформулированный в конце строфы и точно переведенный почти всеми:

Повинностью плати за право,	Нет прав без трудового долга,
И нет повинностей без прав,	Равно и долга нет без прав.
(анон.)	(Б о г д.)

Однако первый переводчик гимна, А. Коц, не нашел правильного решения и дал совершенно другой лозунг: «Вся власть — народу трудовому, а дармоедов всех — до-

<sup>31</sup> К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Устав Первого Интернационала. Сочинения, т. 13, ч. 1, М., 1956, стр. 13.

лой!». Вместо того чтобы сказать о равенстве прав и обязанностей, А. Коц перенес сюда те строки из последней строфы гимна, где говорится, что «праздным нет места на земле». Вдобавок рифма на «ой» повторяется четыре раза, что обеднило строфу эвфонически.

*Четвертая строфа:*

Hideux dans leur apothéose,  
Les rois de la mine et du rail  
Ont-ils jamais fait autre chose  
Que dévaliser le travail ?  
Dans les coffres-forts de la bande  
Ce qu'il a créé s'est fondu :  
En décrétant qu'on le lui rende.  
Le peuple ne veut que son dû.

Лучше всех эту строфу перевел А. Коц, взяв «реванш» за неудачный перевод предыдущей строфы:

Презренны вы в своем богатстве,  
Угля и стали короли !  
Вы ваши троны, тунеядцы,  
На наших спинах возвели.  
Заводы, фабрики, палаты —  
Все нашим создано трудом.  
Пора! Мы требуем возврата  
Того, что взято грабежом!

У других переводчиков отдельные неудачные строчки испортили всю строфу:

У них наш труд лежит по	Рабочим гнут дугою спины
кассам,	(Г у с л.)
Залитый в золото хитро.	
(З а р н.)	И в свой сундук вся эта свора
	Запрячет все, что мы дадим.
	(Т е р к.)

Встречаются хорошие решения второй половины строфы:

Все то, что создали мы, братья,	И нас, рабочих, обирая,
Присвоил их разбойный сброд.	Себе скопили они клад,—
Издав законы об изъятъе,	Но пусть же знает эта стая,
Вернет свое добро народ.	Что мы свое возьмем назад!
(Ф р е н к.)	(Г у ц е в.)

В подвалах разжиревшей своры  
Скопилось все, что создал Труд.  
Мы требуем: пусть эти воры  
Добро народное вернут!  
(Б о г д.)

### *Пятая строфа:*

Les Rois nous soulaient de fumées,  
Paix entre nous, guerre aux tyrans !  
Appliquons la grève aux armées,  
Crosse en l'air et rompons les rangs !  
S'ils s'obstinent, les cannibales,  
A faire de nous des héros,  
Ils sauront bientôt que nos balles  
Sont pour nos propres généraux.

Эта строфа — антивоенная, направленная против милитаристов. Автор призывает солдат бастовать, как бастуют рабочие на фабриках и заводах, а если воевать — то только с «тиранами», то есть заправилами военной клики, толкающими простой народ в бойню.

Немудрено, что эта строфа при первом же отдельном издании гимна вызвала судебное преследование и была запрещена: в ней усмотрели «призыв солдат к дезертирству, неповиновению и прямому бунту». Судебные репрессии эта строфа вызвала и впоследствии, приводя издателей «Интернационала» на скамью подсудимых. Поэтому гимн часто печатался с пропуском этой строфы.

Первую ее строчку перевести нелегко, так как в оригинале ее содержание раскрыто неполностью. «Fumées» означает винные пары, пьяный угар, но в данном случае подразумевается угар шовинизма, национальной вражды, которым власти отравляют сознание народных масс, чтобы легче было втягивать их в войны.

Попытки переводчиков передать эту мысль в одной строке приводили порой к совершенно невразумительным решениям, безнадежно портившим весь перевод в целом: «Цари нас порохом кормили» (Богд.), «Цари нас дымом отравляли» (Остр.), «Кормили дымом нас тираны» (Терк.), «Цари пьянили нас убоем» (Тирт.).

Такие варианты, как «Цари нам головы дурманят» (Зарн.), «Нам короли туманят разум» (Френк.), немногим лучше, ибо не уточняют, что это за дурман.

А. Коц нашел правильный выход из положения: то, что не укладывалось в одну строку, он выразил в двух. В его переводе это место звучит так:

Довольно, королям в угоду,  
Дурманить нас в чаду войны!  
Война — тиранам! Мир — народу!  
Бастуйте, армии сыны!

Некоторым переводчикам удалось передать это место полнее, чем А. Коцу:

Пусть стачка армий грозно  
                                грянет  
Из строя — прочь, и — по  
                                домам!  
                            (З а р н.)

Бунты пусть армию терзают!  
Сломив ружье, смешаем строй!

(О с т р.)

Другие же переводчики, совершенно не справившись с задачей, заменили отсебятиной строку, где Потье призывает солдат бастовать.

Наряду с досадными промахами встречаются и удачные находки. Так, Богданов вторую строку перевел: «Мир хижинам, война дворцам», используя лозунг революционной армии первой французской республики. Этот лозунг, провозглашенный Шамфором и впоследствии воспринятый Георгом Бюхнером, конечно, не был чужд автору «Интернационала», отчетливо представлявшему себе неизбежность жестокой классовой борьбы.

Вторая половина этой строфы, расцениваемая буржуазным судом как «призыв к убийству командиров», переведена А. Коцом так:

Когда ж тираны нас заставят  
Геройски пасть в бою за них,—  
Убийцы! В вас тогда направим  
Мы жерла пушек боевых.

Здесь не только ассонанс вместо рифмы, но и алогизм: как могут те, кто уже пал, направить жерла пушек?

Некоторые переводчики нашли лучшие решения:

Мечтают эти каннибалы Героев сотворить из нас. Но наши пули, генералы, Храним мы бережно для вас!	Коли затеют каннибалы Нас гнать на новую борьбу,— Увидят наши генералы, Что мы по ним начнем стрельбу.
( О с т р . )	(Т и р т .)

Есть и случаи отхода от напрашивающейся рифмы «каннибалы — генералы»:

И пусть посмеют «патриоты»  
В нас пыл разжечь для их атак,—

Мы сразу наши пулеметы  
Направим в собственных войск.  
(З а р н.)

Однако здесь переводчик упустил из виду, что при пении кавычки передать нельзя, и слово «патриоты» может быть принято всерьез. Одно это уже делает перевод неприемлемым.

*Шестая строфа:*

Ouvriers, paysans, nous sommes  
Le grand parti des travailleurs ;  
La terre n'appartient qu'aux hommes,  
L'oisif ira loger ailleurs.  
Combien de nos chairs se repaissent !  
Mais, si les corbeaux, les vautours,  
Un de ces matins, disparaissent,  
Le soleil brillera toujours !

Эта строфа начинается важнейшей мыслью о том, что рабочие и крестьяне образуют единую партию трудящихся. В переводе А. Коца («Лишь мы, работники всемирной великой армии труда») эта мысль, к сожалению, не передана с необходимой точностью: не сказано, кто входит в «армию труда». Другие переводчики выразили эту существенную мысль точнее: «Союз рабочих и крестьян» (Зарн., Френк.), «Семья рабочих и крестьян» (Остр.), «Мы все: рабочие, крестьяне» (Тирт.), «Крестьянин и рабочий слиты в единой партии труда» (анон.).

Не все переводчики сумели отразить и мысль, выраженную в третьей и четвертой строках — мысль о том, что земля (в широком смысле этого слова) должна принадлежать трудящимся, а не праздным людям. Неудачны такие решения, как «Земля дана для счастья людям» (Гат.), «Земля останется за нами» (Остр.), «Владеть землей во всей вселенной — мечта рабочих и крестьян» (Гусл.). Лучше всего звучит это место у Френкеля («Весь мир лишь труженикам дан») и у Зарницына:

Лишь мы, трудом объединенный  
Союз рабочих и крестьян,—  
Земли хозяин прирожденный,  
А не бездельники всех стран!

Эти строки в переводе А. Коца («Лишь мы... владеть землей имеем право, а паразиты — никогда!») сыграли немалую роль в популярности гимна среди русских крестьян, для которых они имели особый смысл: это была та «землица», которую отняли у деревенской бедноты поме-

щики и кулаки-мироеды. Но у Потье, несомненно, речь идет не только о собственности на земельные угодья; под землей подразумевается весь земной шар с его средствами производства. Требование коллективной собственности на них уже было включено к тому времени в программу Первого Интернационала и в решения его конгрессов.

В этой строфе говорится и о том, что праздные люди должны вообще исчезнуть с нашей планеты («l'oisif ira loger ailleurs»). Слово «oisif» каждый переводчик передал по-своему: «паразиты» (Коц), «бездельники» (Зарн., Френк.), «лентяи» (Остр.) «дармоеды» (Тирт.), «тунеядцы» (Смирн.). Все эти решения синонимичны и равноправны.

Эта строка, не допускающая дословного перевода, дала широкий простор для творческих поисков: «...А паразиты пусть прочь уходят навсегда» (анон.), «Лентяев прочь из наших стран» (Остр.), «Бездельник на земле не нужен» (Френк.), «Нам дармоеды не нужны» (Тирт.), «Нет тунеядцам места в нем» (Смирн.).

Во второй половине строфы те, кто не трудится, сравниваются поэтом с коршуном и вороньем, которые «насыщаются нашим мясом» (т. е. мясом трудящихся). Эта метафора сохранена не всеми переводчиками. Но от ее исчезновения у А. Коца гимн только выиграл: именно здесь, в заключительной строфе, как нельзя более уместны были слова о грядущем «великом громе», громе революции, хотя в оригинале их и нет.

До Октябрьской социалистической революции слова эти звучали грозным приговором тогдашнему строю, «сворепсов и палачей», под которыми в условиях тогдашней русской действительности подразумевались не тунеядцы-буржуа, фигурирующие у Потье в образе коршунов и воронов, а слуги самодержавия — полицейские и жандармы.

«Насыщение праздных мясом трудящихся» посредством жесточайшей эксплуатации, разумеется, имело место и в царской России, но главным было политическое угнетение, казни, кровавые расправы с народом. «Палачи», появившиеся в переводе А. Коца вместо коршунов и воронов, имели уже не переносный, а самый прямой смысл.

Другие переводчики сочли необходимым сохранить эту метафору: «стая злых ворон» (Остр.), «злая стая коршунов» (Френк.), «черная орда хищников» (Зарн.), «воронья стая» (анон.). Пожалуй, лучше других передал это место Тиртейский:



Сколь много сытых плотью нашей!  
Но пусть исчезнет хищный рой —  
Тогда и солнце станет краше  
Блестать над радостной землей.

Все эти решения более или менее точны, более или менее отражают то, что Потье говорит здесь применительно к условиям, имевшим место во Франции. Но в тот исторический момент, когда А. Коц переводил «Интернационал», такое толкование вряд ли сделало бы этот гимн любимой песней русского рабочего класса. Это стало возможным лишь благодаря интерпретации А. Коца, приблизившей французский текст к тем условиям, в каких жил тогда русский пролетариат, над которым все время свистели нагайки «псов и палачей».

Но, конечно, учитывая большую литературно-историческую ценность произведения Потье, желательно дать читателю и более близкий к оригиналу перевод. Не мешает нашим поэтам-переводчикам вновь попытаться создать эквивалентный текст. В качестве одной из таких попыток позволю себе привести свой перевод, по вполне понятным причинам не разобранный выше наряду с остальными:

Бой последний все длится,  
Но уже час настал,  
И род людской сплотится  
В Интернационал!

Гонимые, восстаньте разом!  
Восстаньте, голода рабы!  
Клокочет, словно лава, разум.  
Пробил последний час борьбы.  
Вперед, рабы! Долой оковы!  
Покончим с прошлым, а затем  
Изменит мир свои основы.  
Мы в нем ничто, но станем всем!

Нас не спасут, хоть жди веками,  
Ни цезарь, ни трибун, ни бог.  
Рабочие! Спасемся сами!  
То — счастья общего залог.  
Чтоб у воров отнять добычу,  
Освободить плененный ум —  
Раздуйте горны, внемя кличу,  
И куйте сталь без долгих дум!

Налог гнетет, закон лукавит,  
И власти тяжела рука,  
И ни во что богач не ставит  
Свой долг и право бедняка,

Довольно! Ум наш мыслит здраво.  
Дает нам Равенство совет:  
Нет без обязанностей права  
Без прав — обязанностей нет!  
Гнусны в своем апофеозе  
Цари угля, железа, руд.  
Они щедры лишь на угрозы,  
Они обкрадывают Труд.  
Их сундуки неоднократно  
Он наполнял... А потому  
Народ прикажет, чтоб обратно  
Они все отдали ему!  
Людей пьянят войны дурманом...  
Штык — в землю! Хватит воевать!  
Народам — мир! Война — тиранам!  
Солдатам надо бастовать!  
Упорны стали каннибалы...  
Чтоб пыл воинственный утих —  
Пусть видят наши генералы,  
Что наши пули метят в них!  
Наш зов к рабочим и крестьянам,  
К великой партии Труда:  
Всю землю — нам! Конец обманам!  
Прочь тунеядцев навсегда!  
Они сидят на нашей шее...  
Но если б хищный рой исчез,  
То разве солнце, так же грея,  
Нам не сияло бы с небес?  
Бой последний все длится,  
Но уже час настал:  
И род людской сплотится  
В Интернационал!

Итак, анализ многочисленных переводов «Интернационала» на русский язык показал со всей убедительностью, что, несмотря на отдельные неточности и погрешности перевода А. Коца, ни один из переводов, появившихся позднее, не смог превзойти его ни по силе эмоционального воздействия, ни по выразительности лексических средств, примененных для передачи оригинала.

А. Коц поставил своей целью сделать «Интернационал» программной песней русского пролетариата — именно русского, изнывавшего под гнетом самодержавия, и блестяще справился с этой задачей. Гимн, оставаясь интернациональным по содержанию, смог передать общеисторические образы и чувства в форме, близкой русским рабочим. Имел ли право А. Коц на вольное обращение с оригиналом? Победителей, как известно, не судят... А текст А. Коца прочно вошел в «золотой фонд» русской литературы.

«Интернационал» переведен на языки всех народов Советского Союза и на языки большинства народов мира. Фр. Гель в своей книге «Интернационал и Марсельеза»<sup>32</sup>, изданной на чешском языке (есть и немецкий перевод), воспроизвел переводы пролетарского гимна (правда, лишь первой строфы и припева) на 20 языков. Следовало бы и у нас издать такую книгу, собрав воедино все существующие переводы бессмертного гимна на языки народов мира\*, в том числе — на языки многочисленных братских народностей Советского Союза.

Вл. Россельс  
(Москва)

### ЗАБОТЫ ПЕРЕВОДЧИКА КЛАССИКИ

Переводчику так же необходим жизненный опыт, как и всякому другому писателю.

С. Маршак. Искусство поэтического портрета.

...в силу специфики нашего рода искусства переводчик особенно внимательно должен прислушиваться к тому, как говорит его народ.

Н. Любимов. Перевод — искусство.

Сто лет переводилась на русский язык лирика Шевченко, Гейне, Байрона, Шелли, а сегодня мы приходим к выводу, что в обиходе современного русского читателя этих сокровищ почти нет — ведь разве может сравниться популярность у нас лирики этих поэтов с возникшей, скажем, после перевода Маршака популярностью сонетов Шекспира, которые покупают не для пополнения образования, а для художественного наслаждения?

«Посмертные записки Пиквикского клуба» открыты были в свое время выдающимся русским переводчиком

---

<sup>32</sup> Fr. Gel. Internationale und Marseillaise. Prag, Artia, 1954.

\* Подобно изданию «Заповіта» Т. Шевченко.

Иринархом Введенским (в его переводе они называются «замогильными»). Он создал русского Диккенса. Но перевод Введенского по многим причинам безнадежно устарел уже к 20-м годам нашего века<sup>1</sup>. И вот бессмертный роман заново перевели А. Кривцова и Е. Ланн. И — закрыли. Закрыли роман для читателей, лишив его самого важного, главного диккенсовского качества — юмора. Книга, читая которую смеются во всем мире, стала по-русски несмешной. И дело не только в буквалистских установках Е. Ланна. С такими же, в сущности, установками и примерно в те же годы переводил Свифта и Стерна талантливый А. Франковский, и мы восхищаемся его переводами до сих пор. Более того, когда А. Кривцова переводила одна и влияние ланновской педантичности не так сказывалось на ее работе, результаты получались иные. Недаром И. Кашкин писал, что о романе «Домби и сын» в переводе А. Кривцовой «много можно было бы сказать и, к нашей радости, гораздо больше хорошего, чем дурного... Первый том «Домби» всякому хочется читать и перечитывать...»<sup>2</sup> Дело, видимо, в том, что прозаик Евгений Ланн, автор интересного романа о Диккенсе, не был талантливым переводчиком, не было у него этого необходимого дара.

А установившаяся традиция, как известно, трудно преодолима, и Гослитиздат в последнем издании Диккенса, где есть превосходные переводы Н. Волжиной, Н. Дарузес, М. Лорие, В. Топер, О. Холмской, Е. Калашниковой, еще раз повторил «Пиквикский клуб» в переводе А. Кривцовой и Е. Ланна. Но тут более повинна инертность издательская...

А вот для преодоления читательской инертности в восприятии (вернее в неприятии) второй части «Фауста» понадобился весь огромный талант Бориса Пастернака. Ведь вторую часть «Фауста» в России в самом деле никто никогда не хотел читать! Но появился перевод Пастернака — и все прочли, и все приняли.

Писатели, открытые талантливым переводчиком в другой стране, живут в ней своей собственной жизнью. Из-

---

<sup>1</sup> Об этом много и доказательно писали К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство», Собр. соч., т. 3, М., «Гослитиздат», 1966, и И. К а ш к и н в статье «Мистер Пиквик и другие» («Литературный критик», 1936, № 5, стр. 212—217).

<sup>2</sup> И. К а ш к и н. Мистер Пиквик и другие. «Литературный критик», 1936, № 5, стр. 228.

вестно, что могучее возрождение Шекспира в Советском Союзе 30-х годов, Шекспира, по-новому прозвучавшего в переводах Анны Радловой, Бориса Пастернака, Михаила Лозинского, Вильгельма Левика (при всей противоречивости, а порою и антагонистичности их позиций) породило в нашем театре целое движение, так сказать «возвращение к Шекспиру», и эхо этого движения отдавалось в Европе и даже в самой Англии.

Рождение русского Бернса в переводах Маршака перевернуло все наши прежние представления о великом шотландце. Возможно, появившийся в России благодаря переводам Маршака Бернс и отличается от подлинного (да это и не может быть иначе — ведь передал нам его все-таки Маршак!), но он, бесспорно, живет в нашем представлении совершенно самостоятельно и, прежде всего, отличается от русского поэта Маршака. Это разные литературные явления.

Насколько русский Бернс вошел в сознание читателей, можно проиллюстрировать любопытным фактом. Юрий Гаврук, сравнивая в статье «Мастерство перевода»<sup>3</sup> работу над Бернсом Маршака и белорусского переводчика Я. Семяжона, писал: «Бернс Маршака слишком литературный, слишком чистенький, прибранный. — Не мне судить, хорошо это или плохо, — переводы читаются с восторгом. Но вот два отрывка из стихотворения Бернса «Шел солдат с войны» в разных переводах:

С ресниц смахнул я капли слез  
И, голос изменяя,  
Я задал девушке вопрос,  
Какой — и сам не знаю.  
Потом сказал я: Ты светлей,  
Чем этот день погожий,  
И тот счастливей всех людей;  
Кто всех тебе дороже.

Прагнау слязу с вачэй салдат  
Храбрыцца, як умее;  
Штось запытауся неупапад,  
А сэрца млее, млее...  
Гаворыць: — Так вось пехатой  
І крочу з поля бою...  
А ты, як цвет. Шчаслівы той,  
Хто будзе жыць з табою.

«Сравнение этих двух текстов явно не в пользу Маршака. «С ресниц смахнул», «голос изменяя», «задал вопрос» звучит книжно, литературно, драматичность момента ослаблена», — пишет Гаврук. В этом он прав. Но как же он не заметил, что самое развитие мысли, самая суть переводческого решения взята Я. Семяжоном из перевода Маршака?

---

<sup>3</sup> «Літаратура і мастацтва». Минск, 9 марта 1962 г.

В подлиннике приведенным строкам соответствует:

And turn'd me round to hide the flood  
That in my een was swelling.  
Wi' alter'd voice, quoth I, Sweet lass,  
Sweet as yon hawthorn blossom,  
O! Happy, happy may he be,  
That's dearest to thy bosom!<sup>4</sup>

Как видим, о заданном не попаде в вопросе у Бернса нет и речи; из шести строк оригинала белорусский переводчик, следуя за Маршаком, сделал восемь; да и вообще он, вслед за русским переводом, дробит балладу на четверостишия, в то время как у Бернса строфы по восемь строк, канонически-балладные. Это не заимствования — упаси боже! Это созданная Маршаком традиция прочтения. Она так же сильна в переводе, как сильна, скажем, в искусстве иллюстрации. Общеизвестно, что после Гюстава Доре никому еще в мировой графике не удалось создать другую портретную характеристику Дон Кихота и барона Мюнхаузена.

Так укореняется в читательском сознании художественное явление, воссозданное талантливым переводчиком. М. Ф. Лорие рассказывает, что когда после большого перерыва в 1959 году вышел двухтомник Э. Хемингуэя на русском языке, читатели упрекали переводчиков и самого редактора издания, Ивана Кашкина: зачем, дескать, те заново правили текст и «портили» этой правкой уже сложившийся облик русского Хемингуэя<sup>5</sup>.

Чем грандиознее литературный памятник другого народа, который удастся впервые или заново открыть переводчику для своих соотечественников, тем более значительным событием это становится в его родной литературе.

Вот почему так велика заслуга Николая Любимова и так огромен его подвиг: Сервантес, Де Костер, Рабле — «Дон Кихот», «Тиль Уленшпигель», «Гаргантюа и Пантагрюэль» — три гения, три вершины мировой литературы. И — три победы. Если бы Н. Любимов даже ничего больше в жизни не сделал (а он работает неутомимо — есть ведь еще и Шиллер, и Мольер, и Мериме, и Флобер, и Мопассан,

---

<sup>4</sup> Songs from Robert Burns, p. 91.

<sup>5</sup> См. М. Ф. Л о р и е. Об одном хорошем переводе. Сб. «Мастерство перевода», 1964 г. М., «Советский писатель», 1965, стр. 99.

и Доде, и Метерлинк), — значение его вклада в развитие русской культуры невозможно было бы переоценить.

Не менее значительные события произошли недавно в украинской литературе: один и тот же мастер перевода — Микола Лукаш — открыл и сразу же утвердил в читательском восприятии украинцев сперва «Фауст» (1955), а затем «Декамерон» (1965). Оба перевода мгновенно стали библиографической редкостью и породили целую критическую литературу.

Для того чтобы достичь подобного успеха на переводческом поприще, литератору, обладающему талантом, нужно всякий раз совершить колоссальный труд. Он заключается не только в изучении подлинника и всего, что с ним связано, но и в накоплении жизненного опыта и постижении сокровищ родного языка и литературы.

Наблюдения над действительностью и непрерывное изучение живой речи всех слоев своего народа в ее развитии, видоизменении, росте, за которым никогда не поспевают словари — это две неперенные составляющие переводческого труда.

Александр Блок, переводя «Лорелею», написал:

В вечерних лучах алеют  
Вершины дальних гор.

Для него, вероятно, эти строки даже и не были реалией рейнского пейзажа, он передавал настроение и эмоциональный заряд стихов Гейне.

И вот, четверть века спустя, перевод Блока прочитал В. Левик, и его не устроили эти две строки. «Мне казалось, что речь не может идти о нескольких, да еще дальних горах. Речь может идти только об одной и, конечно, близкой горе — той, на которой сидит Лорелея, и которая одна только, как лучезарное видение, высится над погруженным в сумрак миром. Впоследствии, путешествуя по Рейну, я убедился в правильности моей догадки. Утес Лорелеи значительно выше всех окружающих его скал (а вовсе не «гор») и летом, когда все побережье Рейна уже окутано мглой, вершина Лорелеи одна еще минут пятнадцать пламенеет в небе»<sup>6</sup>.

---

<sup>6</sup> В. Л е в и к. О точности и верности. Сб. «Мастерство перевода», М., 1959, стр. 264—265.

И Левик перевел эти стихи иначе:

Прохладен воздух. Темнеет.  
Но Рейна глубь светла.  
В лучах зари пламенеет  
Высокая скала.

Однако и этим своим переводом он остался недоволен: «... меня смущала строчка: «Но Рейна глубь светла». Кто наблюдал закат солнца над рекой, тот знает, что действительно минут десять — пятнадцать после заката, когда все на земле уже потемнело, река, отражающая небо, еще освещенное преломившимися лучами зашедшего солнца, тоже сильно светится в темноте. Но светится ее поверхность, а у меня сказано „глубь“».

Характерно, что второе жизненное наблюдение связано уже вовсе не с Рейном. В. Левик ведь еще и художник-пейзажист. Ему вообще отлично знаком «закат солнца над рекой»...

А одна из последних книг другого поэта-переводчика так и построена: наполовину из переводов, а наполовину из очерков и эссе, посвященных той стране, чью поэзию он переводит. Я говорю о книге Льва Гинзбурга «Цена пепла». Это явление, характернейшее для нынешнего этапа развития переводческого искусства в нашей стране.

Ну а вторая составляющая переводческого труда — работа над языком?

Где взять язык, на котором следует передавать сегодня прозу Флобера, отдаленную от нас не только различием языков, но и столетием, чтобы сохранить и всю неповторимость авторского стиля, и самую дистанцию времени, отделяющую нас от великого французского реалиста?

Н. Любимов в цитированной статье рассказывает, как ему помогают в таких случаях аналоги из русской классики:

«Когда я перевожу какого-нибудь автора, я всегда стараюсь найти ему некое, хотя бы приблизительное, соответствие в русской литературе. Это вовсе не значит, что я призываю самого себя или кого-либо «делать под», я только ищу ориентир, я ищу точку опоры. Когда я переводил роман Мопассана «Милый друг», я перечитал всего Чехова — от доски до доски. Я не взял у Чехова ни одного выражения, но я все время дышал нужной мне стиливой атмосферой»<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Н. Л ю б и м о в. Перевод — искусство. Сб. «Мастерство перевода», 1963 г. М., «Советский писатель», 1964, стр. 235.



Какого результата достигает при этом сам Н. Любимов, известно всей читательской аудитории. Огромный талант переводчика, оснащенный в полной мере «чувством соразмерности и сообразности», гарантирует его работы от эпигонской похожести на прозу русских классиков, и всякий раз перед нами иноязычный писатель возникает как подлинный художник, имеющий, по словам самого переводчика, «свое видение мира, а следовательно, и свои средства изображения»<sup>8</sup>.

И однако этот метод таит некоторые опасности. Об одной из них говорит и Н. Любимов, напоминая, что когда Т. Л. Щепкина-Куперник вкладывает в уста мольеровского персонажа слова «А прочее все гниль», — «создается впечатление, что Мольер был подражателем Грибоедова»<sup>9</sup>.

Но это — опасность наименьшая. В конце концов знаток всегда примет такое дословное заимствование за курьез (как и случилось со всеми примерами, приведенными Н. Любимовым), а читатели не столь внимательные могут попросту и не заметить репетиловской реплики на общем фоне созданной в переводе «грибоедовской атмосферы».

Главная опасность, на мой взгляд, в самой атмосфере. Конечно, не для такого могучего таланта, как Н. Любимов, а для художника меньшего масштаба, для молодого литератора, словом, для всех, к кому и обращена статья переводчика Рабле. Ведь при малейшем, так сказать, «пережиме» Мопассан может в целом оказаться русской вариацией Чехова, шиллеровский Фердинанд заговорит, как Арбенин, а Мольер и впрямь обернется французским Грибоедовым.

Назвав последние два имени, я затронул другую, более широкую постановку проблемы «дистанция времени и переводчик».

Положим, Мопассан и Чехов — современники, Фердинанда отделяет от Арбенина тоже не такой уж долгий срок — каких-нибудь полвека (1784—1835). Но между Мольером и Грибоедовым уже более полутора столетия, а от Грибоедова до нас еще столько же.

А. Андрес в превосходной статье «Дистанция времени и перевод» справедливо пишет:

«В искусстве перевода, как и во всяком искусстве, не может быть готовых эталонов, раз навсегда определен-

---

<sup>8</sup> Н. Любимов. Цит. ст. стр. 245.

<sup>9</sup> Там же, стр. 236.

ных правил и решений. Не может быть единого решения и в вопросе о том, должен ли переводчик, перевыражая произведение, отделенное от нас известной исторической дистанцией, дать почувствовать современному читателю эту дистанцию и в какой мере он должен это делать»<sup>10</sup>. И однако так повелось, что наши переводчики стилистически «привязывают», или, пользуясь выражением Н. Любимова, «ориентируют» в с ю зарубежную литературу начиная с середины прошлого века и (если смотреть ретроспективно) вплоть до раннего европейского Возрождения на русскую литературу первой четверти XIX века. При этом берется за образец русская проза между К а р а м з и н ы м и П у ш к и н ы м, что-нибудь вроде следующего абзаца:

«Как-то недавно у нас не было дня с три ни крошки провианта. Кругом по милости вашей и казацкой стало чисто, как в моем кармане, а на беду тяжелую конницу фуражировать не пускают. Что делать? Голод тем более умножался, что во французской линии слышалось гармоническое мычание коров, которое плачевным эхом раздавалось в моем желудке. Рассуждая о суете мирской, лежал я, завернувшись буркою, и грыз сухарь, так заплеснелый, что его надо было провожать в горло шомполом. Вдруг блеснула во мне пресчастливая мысль. Сейчас же ногу в стремя и марш». (М а р л и н с к и й (А. А. Бестужев) «Вечер на бивуаке»).

Что привлекает переводчиков классики в таком ориентире? Прежде всего, «старинные речения, которые, сохраняя старинный колорит и создавая ощущение временной дистанции, вместе с тем без каких-либо подстрочных примечаний доступны и понятны современному читателю»<sup>11</sup>.

Вот как это выглядит на практике:

І. «Он любил одну из самых красивых придворных дам и был любим ею. Я не назову ее вам, ибо впоследствии *она жила с таким благоразумием* и так тщательно скрывала свою любовь к этому принцу, что за ней заслуженно сохраняется добрая слава. *Случаю было угодно*, чтобы в тот самый день, когда она узнала о смерти герцога., пришло известие о кончине ее мужа, что позволило ей

---

<sup>10</sup> Сб. «Мастерство перевода», 1964 г. М., «Советский писатель», 1965, стр. 128.

<sup>11</sup> Н. Лю б и м о в. Цит. ст., стр. 247.

скрыть истинную причину своего горя, не делая над собою усилий».

II. «О, я несчастный! Как приятны мне одиночество, мрак и тишина! Не знаю, отчего — оттого ли, что я совершил вероломство, покинув еще до рассвета любимую мою госпожу, *или же оттого*, что скорблю о своем бесчестии. Да, да, это так! Рана болит теперь, когда она остыла; теперь, *когда охладела кровь, что кипела вчера*, — теперь только я вижу упадок моего рода, гибель моего имущества, позор, который обрушился на меня из-за смерти слуг».

III. «Видишь, как они угадывают мои желания и спешат оказать мелкие дружеские услуги, *в тысячу раз более ценные, нежели* пышные дары, которые *тешат тщеславие* даятеля и унижают нас. Я без конца целую этот бант, вдыхая воспоминание о счастье, которым наполнили меня те недолгие, блаженные, невозвратимые дни».

IV. «Спустя немного времени веселье его обратилось в горчайший плач; и *плача так, вновь поднял он ту госпожу* на руки и вместе с ней стал словно бы возноситься к небу; я же испытал *столь большой страх*, что слабый сон мой не мог выдержать и прервался, — и я проснулся. И тотчас же стал я размышлять; и оказалось, что час, в который явилось мне это видение, был четвертым часом той ночи...»

V. «Я любил вас долго, и вот, наконец, вынужден разлучиться с вами, чье жестокосердие не припишу я недостатку вежества, *но одному токмо злосчастью*. С меня же довольно того, что умираю в верности, хотя и не мог жить в милости, и *не сильнее жаждал я начала своей любви, чем ныне жажду конца своей жизни*. То, что изменить невозможно, надлежит сносить, а не поносить; безумства прошлого легче воспоминаются, чем исправляются, а потерянное можно оплакать, но не вернуть».

VI. «Я не забочусь, чтобы моя повесть дошла до мужчин; *напротив*, насколько я могу представить их себе по тому, *чья жестокость так несчастливо мне открылась*, я скорее дождалась бы шутливого смеха, чем жалостных лиц. Прочитать эту книгу прошу лишь вас, кого по себе знаю кротким и благостным к несчастным: вы здесь *не* найдете греческих басен, украшенных выдумкой, *ни битв троянских, запятнанных кровью, но любовную повесть*, полную нежной страсти».

Не правда ли — как похоже? Конечно, Марлинский не обладал такой силой таланта и страсти, чтобы сочинить

V отрывок, или такой силой романтической рефлексии, как герой II и III. Но приведенные отрывки написаны тем же, что и у Марлинского языком, почти без архаичной, в нашем понимании, лексики. И уж во всяком случае подчеркнутая мною во всех отрывках фразеология такая же, как и у него.

А между тем перед нами отрывки из шести книг, написанных шестью разными писателями, на протяжении шести веков в пяти странах, и переведены они шестью разными переводчиками.

Коллекционерам—любителям искусства импонирует потемневший лак на старинных картинах. Знатоки предпочитают, чтобы лак был прозрачный и не скрадывал яркости произведений давних времен. Полотна реставрируют и «патину» стараются снять. С переводом еще сложнее. Сервантес сравнивал перевод с изнанкой ковра, но это было сравнение уничижительное. Мы предпочитаем сравнивать перевод с виртуозным исполнением. И конечно, чем ярче краски, чем отчетливей своеобразие авторской палитры в нашем исполнении, тем перевод совершеннее. Так, в приведенных выше отрывках можно, конечно, отличить руку Н. Касаткиной (III), Б. Ярхо (V) и М. Кузмина (VI) и, соответственно, ткань «Вертера», «Эвфуэса» и «Фьяметты». Но осмелюсь заявить, что не благодаря «патине», которая делает их работы схожими, а вопреки ей. Просто мастера пробились к своеобразию автора.

А вот отрывок совсем без «патины»:

«Граф Герен Бокерский был стар и слаб — прошло его время. И не было у него других наследников, ни сыновей, ни дочерей, кроме одного только мальчика. Я вам опишу, каков он был.

Окассеном звали графского сына. Он был красивый юноша, высокий ростом, стройны были его ноги, руки и тело. Волосы у него были светлые, в пышных кудрях, глаза ясные и веселые, лицо приветливое и правильное, нос прямой и тонкий. И столько в нем было добрых качеств, что не было ни одного дурного, все только одни хорошие».

Это произведение — «Окассен и Николет» — старше всех цитированных выше, это самое начало XIII века. И даже по приведенным строкам можно ощутить расстояние, отделяющее нас от него. Скорее всего, это

дано обаятельной безыскусностью ткани, вот этим «Я вам опишу, каков он был».

Но здесь крайне важным мне кажется подчеркнуть, что такие переводы не столько отдаляют литературный памятник от читателя на потребную «историческую дистанцию», сколько п р и б л и ж а ю т к нам давние шедевры литературы.

Задача-то все-таки состоит не в том, чтобы открыть «лавку древностей», а в том, чтобы ввести произведения классики в самый широкий читательский обиход, памятуя, что масштабы аудитории измеряются у нас шестизначными цифрами.

Поэтому после десятков переводов «Слова о полку Игореве» хрестоматийным (даже несмотря на рифмовку) стал перевод Николая Заболоцкого, воссоздавшего памятник цельно, гармонично и просто, тоже в сущности без «патины». Поэтому так дорог нам любимовский Рабле, в котором виртуозно использованы возможности с о в р е м е н н о г о русского литературного языка.

И поэтому чрезвычайно важным мне представляется совет Н. Любимова переводчику вообще «читать русских писателей каждую свободную минуту», наблюдать «над русским литературным языком — от Ломоносова и Державина, от Крылова и Пушкина до Горького и Ивана Бунина, до А. Толстого и Пришвина, до Шолохова и Федина»<sup>12</sup>.

И я обязательно продлил бы этот список, доведя его до В. Гроссмана и И. Эренбурга, В. Тендрякова и Ю. Нагибина, Г. Бакланова, Ю. Казакова и В. Аксенова.

Последнее принципиально: только опираясь на с о в р е м е н н ы й литературный язык, на все достижения нынешнего этапа развития русской литературы, переводчик справится с воссозданием шедевров прошлого. Сегодня переводчику Шекспира облегчает работу опыт и мастерство, накопленное за четыре века всей мировой литературой. На него работают сами преимущества современного литературного оружия, само различие уровней творческой оснастки. При умелом использовании этих преимуществ дистанция времени, отделяющая переводчика от автора, превращается из преграды в подспорье.

---

<sup>12</sup> Н. Любимов. Цит. ст., стр. 235.

При этом, конечно, важно избегать явных модернизмов, и этому следует учиться на лучших работах того же Н. Любимова.

Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман  
(Москва)

## О ПЕРЕВОДЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ, СО СДВИНУТЫМ ГРАММАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Определения, образованные при помощи синтаксического соположения, являются характерной особенностью современного английского языка. Их распространенность, возможно, стоит в прямой связи с его аналитическим характером. Вполне вероятно, что столь широкому распространению таких определений способствуют те изменения, которые претерпевает Possessive case. М. Брайант в своей книге *A Functional English Grammar*<sup>1</sup> вполне справедливо указывает, что формант 's как способ синтаксической связи между определяемыми и определением вытесняется соположением. Например, *Hailsham letters*, а не *Hailsham's letters*. Часто такое определение употребляется с артиклем. Например, *The Vidor film ("War and Peace") starring Henri Fonda and Audrey Hepburn ran here (in Moscow) shortly after it was completed.* (New York Times, 1963.)

*The Smith threat once averted, a new Welensky government could be very popular in Britain.* (DW, 1964.)

Иногда смысловые отношения внутри этой формы бывают нечеткими. Сочетание *the Macmillan news* можно понять и как «новости, сообщенные Макмилланом», и как «новые сообщения о Макмиллане». В данном случае и контекст не раскрывает истинных связей. Тут может помочь только знание фактов и самой ситуации.

Deputy Prime Minister R. A. Butler arrived here tonight to join other Ministers, still a prey to the chaos and confusion into which the *Macmillan news* plunged them. Следует добавить, что для современного языка не менее характерно и расширение сферы использования форманта 's

<sup>1</sup> М. Б р у а н т. *A Functional English Grammar*. Boston, 1945, р. 43.

с существительными неодушевленными. Например, the Committee's report или the Sunday's police attack.

Обе формы определения как с формантом 's, так и с существительным в общем падеже могут считаться синонимичными, однако в их употреблении намечается некоторое различие. В газетных заголовках безусловно теперь чаще встречается определение в общем падеже:

*Johnson promise on vote rights.* (DW, 1965.) Но в самом тексте сообщения предпочтение отдается форме с формантом 's. Например:

*Denning Report Out on Thursday* (заголовок)

*Lord Denning's report* will be published at 12.30 a. m. on Thursday. (DW, 1963.)

*Kosygin visit to Hanoi* of "utmost importance" (заголовок)

"Premier *Kosygin's visit* to Hanoi was of the utmost importance", declared Mr. John Gollan yesterday. (DW, 1965.)

Возможно, что сочетание с общим падежом выражает бóльшую степень обобщения, чем сочетание с родительным падежом, в котором сильнее ощущается момент принадлежности, хотя и родительный падеж тоже является многозначным и не ограничивается выражением отношений принадлежности. Например, *Sunday's demonstrators* — участники воскресной демонстрации.

Бóльшая степень обобщения, присущая определению, образованному путем соположения, приводит к тому, что имя собственное скорее характеризует определяемое понятие, а отношения принадлежности отступают на задний план, например, *the Monroe doctrine*. В этом случае мы скорее думаем о сущности этой доктрины, а не о том, что она была выдвинута Монро.

Интересно, тем не менее, что определение без форманта 's часто используется и для выражения принадлежности, как, например, в ранее приведенном сочетании *The Vidor film* — фильм режиссера Видора.

Нижеследующие примеры, взятые из художественной литературы, не выражают обобщения, а только понятие принадлежности:

Neither spoke again until he drew up to the *Barley house* (John O'Hara, *The Big Laugh*). ... but when Atticus returned from the *Radley house*, he said she died of natural causes (Harper Lee, *To Kill a Mocking Bird*).

Сжатость и удобство такого определения безусловно способствовали его широкому распространению. А широкое распространение в свою очередь, по-видимому, привело к тому, что эту столь удобную синтаксическую форму стали наполнять самым разнообразным содержанием, и она, в силу этого, приобрела большую емкость. Это отнюдь не единичное явление. Многие лингвисты указывают на то, что грамматическая форма в языке часто становится многозначной благодаря медленному развитию грамматического строя. Форма, как таковая, относительно стабильна, но она постепенно может стать многозначной. Как уже говорилось выше, родительный падеж, помимо выражения принадлежности, стал выражать и другие отношения и теперь характеризуется многообразной семантикой. Так, например, В. Г. Адмони выделяет «... три важнейших типа синтаксических групп с определением в родительном падеже, являющихся модификациями обобщенного грамматического значения этой формы — значения принадлежности (в более широком смысле слова)»<sup>2</sup>.

Само отношение принадлежности должно пониматься очень широко и обобщенно. Оно выражает различные связи между определением и определяемым. Еще более разнообразны отношения между определяемым и определением, выраженным соположением благодаря большой легкости такого образования. Многозначность этой формы, связанная со своеобразным переносом или сдвигом ее грамматического значения, часто создает трудности как для ее понимания, так и для перевода. Цель настоящей статьи — показать разные грамматические значения, выражаемые этой формой определения, и трудности, возникающие при их передаче в переводе. Ошибки в переводе таких определений очень часты, особенно при переводе газетных заголовков, поскольку они нередко требуют «расшифровки». Ключом для «расшифровки» обычно служит сама статья или знание фактов и событий, о которых идет речь. Студенты склонны переводить эти «определения» как определения, не задумываясь о сдвиге грамматического значения, выражающем другие связи между соположенными словами, а это приводит к неправильному переводу. Внешне сочетания *Hailsham letters* и *Dag inquiry* являются совершенно

---

<sup>2</sup> В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 288.



тождественными. Только контекст — подзаголовок в первом случае (no breach of privilege), который как бы передает содержание этих писем, и само сообщение — во втором (inquiry into the air crash in which Mr. Dag Hammerskjöld died) раскрывает характер связи между элементами сочтаний, что дает возможность их правильно перевести: 1) письма Хейлшема; 2) расследование (обстоятельств гибели) Дага Хаммаршельда.

Примеры, анализируемые в данной статье, в основном взяты из газет. Это не случайно. Газета, которая идет в ногу с жизнью, очень чутко отражает все новые явления языка, как лексические так и синтаксические неологизмы. В этом отношении она обгоняет художественную литературу и фиксирует неологизмы как моментальная фотография. Кроме того, газетный стиль менее связан строгими языковыми нормами, чем стиль художественной речи. Стремление к сжатости и лаконизму, к выразительности и броскости, а также необходимость в экономии места объясняют столь широкое употребление определений, образуемых соположением, как в статьях, так и в заголовках.

Сдвиг грамматического значения, наблюдаемый в определении, сказывается в том, что определение может выражать различные обстоятельственные отношения — места, времени, причины, или выступать в роли косвенного дополнения.

Здесь, конечно, не будут рассматриваться те случаи, когда определение, образованное соположением, употребляется в своей прямой, основной функции определения, независимо от его перевода, как, например, *Secrets trial* или *the Official Secrets Act*. В этих примерах нет изменения в характере связи между определяемым и определением. Здесь будут рассмотрены лишь те случаи, когда между определением и определяемым возникли новые смысловые отношения. Так же как логическое подлежащее и логическое сказуемое могут не совпадать с синтаксическими, точно так же и определение может логически выражать иные синтаксические отношения.

Чрезвычайно часто определение логически выступает как обстоятельство места. Например:

*Betty gets an Athens ovation.* (DW, 1963)

*В Афинах* Бетти (Амбателиос) устроили овацию  
*French Sahara test reports.* (DW)

Сообщения об испытаниях (атомной бомбы) *во французской Сахаре.*

В этом заголовке определение состоит из двух частей. Слово *test* определяет существительное *reports*, а сочетание *French Sahara* определяет слово *test*.

### *Bavaria Swoop*

Bavarian police swooped on a house in the town of Steinbach. (DW, 1962)

Полицейская облава в *Баварии*.

Баварская полиция совершила налет на один дом в городе Штейнбахе.

### *Mountain Death*

Гибель (альпиниста) *в горах*

Scottish electricians report that many *job and site* meetings have been held. (DW, 1964.)

Шотландские электрики сообщают, что *на многих предприятиях и строительных площадках* состоялись собрания.

### *Mauritius visit*

Mr. Anthony Greenwood, Colonial Secretary, will pay a short visit *to Mauritius* starting on April, 5, it was announced yesterday. (DW, 1964.)

В тексте сообщения содержится синонимический вариант определительного сочетания: *Mauritius visit* — а (short) visit to Mauritius:

### *Поездка на о. Маврикий*

Как сообщалось вчера, министр по делам колоний мистер Антони Гринвуд прибудет с кратким визитом на *о. Маврикий* 5 апреля.

В этом заголовке определение *Mauritius* отвечает на вопрос 'куда', в отличие от всех предыдущих определений, отвечавших на вопрос 'где'.

The Rev. Phillip Knight, rector of St. Mary's Church, Rolleston, yesterday made *a pulpit* appeal to parishioners to help the police... (DW, 1964.)

Ректор церкви св. Марии в Ролстоне преподобный Фи-

липп Найт вчера обратился с церковной кафедры к прихожанам с просьбой оказать содействие полиции.

В этом случае определение отвечает на вопрос 'откуда'.

Передача в переводе всех этих определений тоже определениями исключена, так как это привело бы к искажению смысла. Безусловно грамматическое значение определения Mountain в сочетании Mountain death совсем не то, что в сочетании Mountain air. То же самое можно сказать и о сочетаниях Sahara test и Sahara sands. В последнем случае отчетливо выражается отношение принадлежности, тогда как в первом случае речь идет только о месте.

Особенно интересным и коварным является следующее сочетание: Embassy protests. Во-первых, слово protests можно рассматривать и как глагол и как существительное, но и в том и в другом случае существительное embassy воспринимается как агент действия: 'посольство протестует'; 'протесты посольства'. Однако такой перевод неправилен; как видно из самого сообщения существительное embassy логически выступает в качестве обстоятельства места. Ниже следует сам текст:

Deputations will be going to the American Embassy in Grosvenor Square next Monday to protest against the renewed witch-hunt. (DW, 1962.)

Таким образом, единственно правильный перевод заголовка следующий: 'Протест у здания американского посольства'.

Все эти многочисленные примеры и десятки им подобных убедительно доказывают, что определение часто выступает в роли обстоятельства места.

Определение может также логически выражать обстоятельство времени. Например:

*Xmas roads kill 94*

*Christmas Day deaths on the roads reached 34, the Transport Ministry reported last night... The total of road deaths was 94. (DW, 1964.)*

94 человека погибло на рождество

Вчера вечером Министерство Транспорта сообщило, что в первый день рождества на дорогах Англии погибло 34 человека... Общее количество смертных случаев на дорогах равняется 94.

Этот пример интересен тем, что определение трижды логически выполняет функцию обстоятельства: два раза оно выступает как обстоятельство времени и один раз как обстоятельство места. Логическое значение определения *Xmas* выступает очень ясно, если сравнить его с сочетанием *Xmas tree*, которому в русском языке соответствует сочетание 'рождественская елка'.

Интересен также и пример:

*Weekend canal patrol by ex-servicemen.* (DW, 1963.)

Здесь первое определение выступает как обстоятельство времени, а второе — как обстоятельство места или как дополнение. В зависимости от грамматического истолкования возможны два перевода:

1) патрули бывших военнослужащих в зоне канала в конце недели;

2) бывшие военнослужащие патрулировали зону канала в конце недели.

Очевидно, определение может логически выражать и другие обстоятельственные отношения, помимо места и времени, например сопутствующие обстоятельства или обстоятельство образа действия (причины): В сочетании а *moonlight drive* (Lockridge, *Killing the Goose*) определение *moonlight* выражает сопутствующие обстоятельства (*attending circumstances*). Это дает право перевести данное сочетание а *moonlight drive* как 'поездка при лунном свете'.

Определение в функции обстоятельства образа действия (причины) — нередкое явление, как видно из следующих примеров:

#### *Cholera death*

Over two thousand people died of cholera and small pox in Orissa State, Eastern India, during the first ten months of the year (1964).

#### Смерть от холеры

Свыше двух тысяч человек умерло за первые десять месяцев текущего года от холеры и оспы в штате Орисса в восточной Индии.

Одна и та же синтаксическая связь, выражающая причину, передана разным путем — синонимическими конструкциями: в заголовке — при помощи определения (*Cholera death*); в тексте — при помощи предложной конструкции (*died of cholera*). Поскольку связь та же самая,

перевод не варьируется. Аналогичная связь наблюдается и в нижеследующем примере:

#### *Avalanche death*

The body of a climber swept away *by an avalanche* was found near Zermatt. (DW, 1961.)

Как видно из текста, альпинист был засыпан лавиной (что явилось причиной его смерти).

#### Засыпан лавиной

Тело альпиниста, засыпанного лавиной, было обнаружено близ Зерматта.

И в этом примере используются синтаксические синонимы.

Однако в следующем примере с первого взгляда кажется, что определение выражает не причинную связь, а логически является обстоятельством места, как и в сочетании *mountain death*.

#### *Fireside death*

When a relative called to leave a Christmas gift for Miss Isabella Theckston ... she found her lying dead with her clothes smouldering by a fireplace which was wrecked.

#### Камин — причина смерти

Когда родственница мисс Изабеллы Текстон зашла к ней с рождественским подарком, она обнаружила, что та лежит мертвая под обломками обвалившегося камина, а ее платье тлеет.

Конечно, здесь очень тесно слиты причина и место. Интригующий заголовок вытекает из адвербиального значения определения, а в тексте слово *fireplace* является обстоятельством места. И та и другая функция синонимов *fireside* и *fireplace* находит отражение в данном переводе.

Причинная связь явно ощущается и в следующем примере:

#### *First topless jail Term*

Athens dancer and stripper Polykrati Themis was yesterday sentenced to three months in jail *for wearing a topless swimsuit*.

Причинная связь, выражаемая определением *topless*, должна быть передана в переводе:

Тюрьма за купальный костюм без лифчика

Афинская танцовщица, выступающая в стриптизе, Поликрати Темис была приговорена вчера к трем месяцам тюремного заключения за ношение купального костюма без лифчика.

Толкование определения *topless* как определения привело бы к полному абсурду. Для правильного перевода необходимо правильное истолкование его логического значения.

Не менее часто определение логически играет роль дополнения. Иногда такое его значение ясно выступает из самого сочетания, в других же случаях приходится обращаться к контексту, который раскрывает логическую функцию определения. В ряде случаев сочетание с определением и его «расшифровка» в контексте могут тоже рассматриваться как грамматические синонимы.

*Flood warning on East coast. (DW, 1962.)*

Предупреждение о возможном наводнении на восточном побережье.

Значение этого сочетания не вызывает никаких сомнений. Оно отнюдь не является атрибутивным. То же самое можно сказать и о нижеследующем примере:

*The Strike notices, due to expire on May I, were formally withdrawn. (DW, 1965.)*

Предупреждения о забастовке, срок которых истекал 1 мая, были официально аннулированы.

Первое сочетание является заголовком, второе взято из текста сообщения.

*Test protest to Macmillan*

*Protest against the resumption of nuclear tests ... (DW, 1962.)*

Протест против возобновления атомных испытаний

Макмиллану был выражен протест против предполагаемого возобновления атомных испытаний в атмосфере.

Чтобы не перегружать заголовок в переводе, часть его (to Macmillan) перенесена в текст сообщения.

*Polaris protest*

*A demonstration against U.S. Polaris submarines at Holy Loch was held yesterday. (DW. 1962.)*

Протест против американских атомных лодок

Вчера состоялась демонстрация протеста против размещения американских подводных лодок с ракетами «Поларис» в заливе Холи Лох.

В этих двух примерах логическое значение определений ясно из общеизвестных фактов.

И в этом случае и в заголовке и в текстосообщения используются грамматические и лексические синонимы:

test protest — protest against... tests;

Polaris protest — a demonstration against US Polaris submarines.

Так же отчетливо выступает логическое значение определения в следующих примерах:

We slept little that week, fearing a *house* search by S. S. troops. (Gwen Leeson, D. W., 1962.)

Мы почти не спали на этой неделе, боясь, что эсэсовцы сделают обыск у нас в доме.

Хотя определение *house* логически является дополнением к слову *search* (a search of the house), на русский язык его приходится переводить обстоятельством места. Логическая функция определения *house* очень ясно выступает при сопоставлении его с таким сочетанием, как, например, *house coat* — ‘домашнее платье’, ‘халатик’.

*Potato-crisp* munchers may like to note that shareholders in Smith's are getting a bonus because of higher net profits. (DW, 1964.)

Любители хрустящей картошки, возможно, будут рады слышать, что держатели акций компании Смит получают дополнительный дивиденд благодаря более высокой чистой прибыли.

В этом случае перевод передает реальную смысловую связь, которая наблюдается в оригинале. Здесь не может быть и речи о том, что сочетание *potato-crisp* логически определяет существительное *munchers*. Это сочетание напоминает английский перевод названия картины Ван Гога — *Potato Eaters*.

Интересен и следующий пример:

Many speakers called for an expansion of the *consumer* boycott of South African goods. (DW, 1961.)

Многие ораторы призывали потребителей шире бойкотировать южно-африканские товары.

The consumer boycott of South African goods синонимично the boycott of South African goods by consumers.

Этот пример особенно интересен с точки зрения перевода, поскольку определение consumer в переводе передано прямым дополнением, что соответствует его логическому значению.

Смысловые связи между определением и определяемым совершенно прозрачны в сочетании:

*Kennedy killing report dodges world queries.* (DW, 1964.)

Они, конечно, не выражают атрибутивных отношений; трансформация дала бы сочетание a report on the killing of Kennedy.

Доклад об обстоятельствах убийства Кеннеди не дает прямого ответа на вопросы мировой общественности.

Однако в следующих двух аналогичных примерах истинные связи между членами определительных сочетаний настолько завуалированы, что только контекст помогает избежать ошибки в их толковании.

#### *Du Bois Message*

The Political Committee of the C. P. of Great Britain yesterday sent its condolences to the wife of Dr. Du Bois. (DW, 1963.)

По своей форме сочетание Du Bois message ничем не отличается от сочетания Denning report или Nailsham letters, и естественно было бы предположить, что речь идет о послании самого Дюбуа, независимо от даты. Ведь в его бумагах могло найтись какое-то обращение. Однако текст сообщения раскрывает логическую функцию данного определения. Это соболезнование по поводу смерти Дюбуа.

#### Соболезнование жене Дюбуа

Политический комитет Коммунистической партии Великобритании вчера направил жене доктора Дюбуа свои соболезнования по случаю его смерти.

По существу это определение выполняет функцию предложного дополнения — a message on Du Bois (death). Ср. с President's Message on the State of the Country.

Аналогичный характер имеет и последний пример:



### *Decimal report*

The report of Lord Halsbury's Committee on decimalisation of Britain's currency is to be published today. (DW, 1964.)

Доклад о переводе английской валюты на десятичную систему

Доклад комиссии, под председательством лорда Халсбери, о переводе английского денежного обращения на десятичную систему будет опубликован сегодня.

И здесь в заголовке определение логически выполняет функцию предложного дополнения. Эта функция раскрывается в тексте грамматическим синонимом — the report on decimalisation of Britain's currency.

Даже если предположить, что слово decimal не существительное, а прилагательное, это не изменило бы характера смыслового сдвига в определении.

Наоборот, это было бы подтверждением того, что сдвиг грамматического значения, наблюдаемый в определениях, образованных соположением, имеет место и в прилагательных. Интересно отметить, что подобный сдвиг грамматического значения встречается и в конструкциях с Possessive Case.

### *Winkle-pickers' warning*

A suggestion that chiropodists should be allowed into school clinics to warn children of the danger of winkle-picker shoes... (DW, 1965.)

Такое сочетание фактически имеет те же смысловые связи, что и сочетание flood warning.

При рассмотрении данного явления — сдвига грамматического значения в определении, образованном соположением, мы следовали обычным путем грамматического анализа — от формы к содержанию. Нам хотелось показать, как установившаяся в языке и получившая столь широкое распространение данная форма определения стала наполняться каким-то новым содержанием. На первый взгляд может показаться, что это свидетельствует о каком-то нарушении той двусторонней сущности всякой языковой единицы — единства плана выражения и плана содержания, о чем говорит Л. С. Бархударов в автореферате своей докторской диссертации<sup>3</sup>. На самом деле происходит не

<sup>3</sup> Л. С. Бархударов. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка. М., 1965, стр. 43.

разрыв этого единства, а только расширение выразительных возможностей данной формы. Ее большая употребительность, ее удобство и сжатость способствуют этому процессу.

В данной статье мы различаем грамматическое и логическое значения определения. В самом деле, всякая грамматическая форма имеет свое постоянное грамматическое значение и выполняет определенную грамматическую функцию. Функция определения — характеризовать или описывать предмет, лицо или явление. Нам представляется возможным говорить об основном и контекстуальном значениях грамматической формы. Когда одно и то же контекстуальное значение встречается часто, это несомненно свидетельствует о некотором сдвиге в значении данной грамматической формы или о его расширении, что может привести к ее многозначности.

Многозначность грамматической формы, как и многозначность слова, неизбежно создает трудности при переводе. Внимание студентов должно быть привлечено к многообразию смысловых отношений между определяемым словом и определением, выраженным соположением. С другой стороны, при анализе смысловых связей между определением и определяемым словом ни в коем случае нельзя исходить из русского перевода. Это было бы серьезной ошибкой. Не перевод определяет эту связь, а характер связи определяет перевод.

## II. Проблемы лексикографии

---

В. В. Келтуяла  
(Ленинград)

### О ПЕРЕВОДЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ

Благодаря особенностям процесса заимствования и последующей семантико-стилевой эволюции слова, существующие параллельно в различных европейских языках, очень часто обнаруживают разного рода несоответствия в смысловом содержании. Это относится как к простым заимствованиям, так и к интернациональным словам, особенно если интернациональные слова в тех или иных языках оказываются общеупотребительными<sup>1</sup>.

Смысловые несоответствия могут быть семантическими или стилевыми или теми и другими одновременно.

К семантическим несовпадениям относятся, например, разное значение сравниваемых параллельных слов (нем. *expansiv* 'расширяющийся, экспансионистский', русск. *экспансивный* 'не сдержанный в проявлении чувств'), разный объем значений (нем. *Toreador* 'тореадор на коне', русск. *тореадор* — общее название тореадоров) или наличие дополнительных неинтернациональных значений (нем. *Zensur* 1. 'цензура'; 2. 'школьная отметка'; русск. *карниз* 1. 'выступ на стене здания: под крышей, над окнами и дверями'; ... 2. 'поперечина для портьер или гардин').

<sup>1</sup> Простыми заимствованиями обычно считаются слова, заимствованные параллели которых могут встретиться в языках, относящихся не более чем к двум языковым группам: языка заимствовавшего и (европейского) языка-источника. Так, английское слово *sake* заимствовано (с разным значением) в немецкий и русский языки: нем. *Keks* — 'сухое печенье', русск. *кекс* 'сладкий сдобный хлебец с изюмом', в романских же языках соответствующей по форме лексической параллели не имеется.

Если дополнительное национальное значение превратилось в основное значение слова, то при сравнении соответствующих лексических параллелей обнаруживается разное основное значение (русск. *анкета* 1. 'опросный лист', 2. 'сбор сведений путем получения ответов на специально составленные вопросы', нем. *Enquete* 'расследование, сбор сведений путем получения ответов на специально составленные вопросы')<sup>2</sup>.

Стилевые несоответствия выражаются, например, в том, что параллельные слова двух сравниваемых языков могут относиться к разным лексическим слоям. Так, русское слово *актриса* и немецкое *Existenz* 'существование' являются основными словами для выражения соответствующих понятий и относятся, каждое в своем языке, к нейтральному слою лексики. Напротив, соответствующие этим словам параллели нем. *Aktrice* и русск. *эксистенция* не входят в состав нейтральной лексики, так как одно из них давно уже устарело и находится на грани выпадения из немецкого языка, а другое существует в русском лишь на правах более или менее случайного заимствования. Оба они книжные, в настоящее время почти не используются и относятся к тому очень неоднородному слою лексики, который можно было бы назвать слоем второстепенных синонимов<sup>3</sup>.

Заимствованному слову общелитературного слоя лексики может также противостоять в другом языке соответствующая по форме лексическая параллель, относящаяся к специальному слою лексики, то есть к лексическому слою, охватывающему термины различных областей знания. Так, немецкое слово *Manipulator* 'фокусник' и русское слово *аборт* относятся к общелитературному слою лексики, а их параллели *манипулятор* и *Abortus* входят в слой специальный, так как первая оказывается техническим, а вторая — медицинским термином.

Слова нейтрального слоя часто оказываются общеупотребительными, то есть употребляются всеми членами язы-

---

<sup>2</sup> Все приводимые значения немецких слов проверены по нескольким немецким толковым словарям и могут быть подтверждены рядом примеров из литературы или периодики. См., например, *Fremdwörterbuch*, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1954.

<sup>3</sup> Второстепенных со стороны нейтрального состава лексики, но отнюдь не с точки зрения той роли, которую они могут играть в языке художественной литературы.

кового коллектива. Напротив, слова двух других слоев чаще всего необщепотребительны. Стилиевое несоответствие может проявляться и в том, что из двух параллельных слов, входящих в один и тот же лексический слой, одно является общепотребительным, как, например, нем. *Annonce* 'газетное объявление', а другое — нет, как русское *анонс* 'объявление о предстоящем концерте, спектакле и проч'. Оба этих слова, каждое в своем языке, относятся к лексике нейтральной<sup>4</sup>.

Как видно из приведенных примеров, семантические и стилевые несоответствия сопутствуют друг другу очень часто. Слова *Manipulator*, *манипулятор* не только относятся к разным слоям лексики, но и обладают разными значениями. Лексическая пара *Annonce* — *анонс* кроме стилового различия обнаруживает разный объем значения. Параллели *анкета* — *Enquete* не только имеют разное основное значение, но и принадлежат к разным слоям лексики и т. д. Притом семантико-стилевыми несоответствиями могут быть охвачены слова, весьма разнообразные по характеру выражаемых ими понятий, в том числе и такие, которые ни в одном из двух сравниваемых языков никакого отношения к быту не имеют (как *expansiv* — *экспансивный*).

Все это достаточно хорошо известно нашим лучшим переводчикам и лексикологам<sup>5</sup> и объясняется тем, что с одной стороны, слово, заимствуемое из языка-источника, обычно заимствуется с частным или частичным значением и нередко попадает в заимствующем языке в один из нейтральных лексических слоев, а с другой — тем, что заимствованные слова (или соответствующие им параллели в другом языке), взаимодействуя с национальными синонимами, могут подвергаться процессу стилового расслоения и семантических изменений. За последние полвека множество интернациональных слов — в разных языках по-

---

<sup>4</sup> Необщепотребительные слова могут быть общеизвестны, достаточно широко известны или необщепотребительны. Так, например, подавляющее большинство терминов — необщепотребительны, так как используются лишь внутри узкоспециальных контекстов и не имеют хождения за пределами определенных областей знания.

<sup>5</sup> См., например, Б. А. Г р и ф ц о в. Заметки по технике перевода, ВЯ, 1952, № 5, стр. 85—89; О. Б. Ш а х р а й. К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в разных языках, «Ин. языки в школе», 1955, № 1; Л. Р. З и н д е р и Т. В. С т р о е в а. Современный немецкий язык. Теоретический курс, 3-е переработанное изд., М., 1957, стр. 373—374.

разному изменили свое смысловое содержание. В отдельных языках те или иные параллели совсем выпали. Этот процесс интенсивно продолжается и в наши дни.

Естественно, что интернациональные и просто заимствованные слова подобного типа должны были бы, как правило, переводиться отнюдь не соответствующими по форме лексическими параллелями другого языка — слишком часто обнаруживающими семантические и стилевые несовпадения, а такими национальными или же интернациональными не параллельными словами, которые наиболее полно выражают соответствующее понятие и по семантике и по стилю, как, например: русск. *информация* 1. нем. *Berichterstattung*, русск. *кашине* — нем. *Schal*, русск. *киноаппарат* — нем. 1. *Kamera*, 2. *Vorführrapparat*, *Projektor* и т. п.

К сожалению, на практике далеко не всегда дело обстоит именно так. В этом легче всего убедиться, обратясь к опыту нашей двуязычной лексикографии.

Согласно широко распространенной точке зрения, представленной в языковых пособиях и в предисловиях к отдельным двуязычным словарям, соответствующие друг другу по форме интернациональные слова разных языков в большинстве случаев должны обладать совершенно одинаковой семантикой. При этом о стилевых несовпадениях обычно даже и не упоминается.

Это представление вызвано тем, что подавляющее большинство интернациональных научных терминов, ввиду особенностей их происхождения и обособленного положения в языке, действительно отличается семантико-стилевой тождественностью и длительное время не поддается процессам эволюции ни в одном из языков.

Но интернациональные научные термины (как правило, общеизвестные) в словник общего двуязычного словаря попадают лишь в незначительном количестве. Большая же часть включаемых в словарь интернациональных слов — как общеупотребительных, так и общеупотребительных — будучи сравнена с лексическими параллелями другого языка, обнаруживает полное или частичное несовпадение смыслового содержания или даже не имеет в другом языке соответствующих лексических параллелей. Это относится и к терминам различных областей прикладного знания (техническим и другим), которые, как и все прочие интернациональные слова, кроме науч-

ных терминов, возникают в языках путем обычного, частного или частичного заимствования.

Между тем составители наших двуязычных словарей до сих пор придерживаются упомянутой точки зрения о преобладающей тождественности смыслового содержания (любых) параллельных интернациональных слов<sup>6</sup>. Все известные им случаи семантико-стилевых расхождений рассматриваются как случайные и немногочисленные исключения.

Это приводит к бесчисленному множеству погрешностей, искажений и ошибок.

Просматривая наш основной русско-немецкий словарь<sup>7</sup>, можно убедиться в том, что большая часть слов иноязычного происхождения переводится соответствующими по форме немецкими параллелями, в результате чего многие интернациональные слова и простые заимствования переведены неполно, неточно, а порой и неверно. В качестве переводов нейтрального общеупотребительного слова — обычно без всяких помет — фигурируют слова, не только необщеупотребительные, но часто и не относящиеся к нейтральному слою: специальные или же устарелые, книжные, уже выпавшие из немецкого языка и т. п. Эти неоговоренные стиливые несоответствия к тому же сопровождаются и несоответствиями семантическими.

Так, при передаче общеупотребительных интернациональных слов слово *пистон* переводится как *Piston*, хотя нем. *Piston* обладает сегодня совершенно другими значениями, чем русская параллель, то есть немецкое слово, если говорить только о семантических различиях, не обладает основными значениями соответствующей русской параллели<sup>8</sup>. *Нефть* переводится как *Naphta*, хотя нем. *Naphta* не относится к нейтральному слою лексики и означает

<sup>6</sup> То есть, в частности, считают, что лексико-семантическое и стиливое содержание слова неизменно или же изменяется крайне медленно, наподобие весьма устойчивой семантики суффиксов, окончаний и т. п.

<sup>7</sup> Русско-немецкий словарь. Изд. шестое, исправленное и дополненное. Под ред. А. Б. Лоховица, А. А. Лепинга и Н. П. Стреховой. М., «Советская энциклопедия», 1965.

<sup>8</sup> Такая же ошибка допущена и при переводе простого заимствования *кекс*: нем. *Keks* не знает других значений, 'кроме сухое печенье', См., например, „Der Sprachbrockhaus. Deutsches Bildwörterbuch für jedermann.“ Fünfte Auflage, 1949.

Как эти, так и все последующие примеры опять-таки подтверждаются любым словарем, составленным немцами. См., например, *Fremdwörterbuch*, VEB, Bibliographisches Institut, Leipzig.

только 'легкие летучие сорта нефти', то есть эти два слова обладают разным объемом значения. Стремясь передать русское слово прежде всего созвучным, сходным по звуковому составу словом немецкого языка, составители русско-немецкого словаря конструируют лексические параллели, не существующие в живом немецком языке: *курсант* — *Kursant*, *киноаппарат* — *Kinoapparat*<sup>9</sup>.

То же самое происходит и при передаче интернациональных слов необщеупотребительных: *экспансивный* переводится как *expansiv* и *анонс* как *Annonce*, хотя первая пара обнаруживает разное значение, а вторая — разный объем значения. При слове *деградация* на первом месте стоит перевод *Degradation*, хотя основное значение русского слова — 'упадок', а немецкого — 'понижение в должности или чине', которое в русском слове устарело и ушло на последнее место, то есть эти два параллельных слова обнаруживают разное основное значение. При слове *сентиментализм* стоит перевод *Sentimentalismus*, хотя такого слова в немецком языке нет.

Можно привести такие примеры из области специальной терминологии прикладных областей знания: *манипулятор* (техн.) переводится как *Manipulator* (разное значение); *панель* (электротех.) переводится как *Panel*, хотя немецкое слово не знает технических значений русской параллели к слову; *бемоль* (муз.) наряду с правильным переводом дается и перевод *B-moll*, хотя русское *бемоль* означает 'знак понижения на полтона', а немецкое *B-moll* — 'тональность си-бемоль минор' (совершенно разные понятия).

Эти ошибки десятилетиями переносятся из одного издания словаря в другое — что касается общеупотребительных слов — в точности воспроизводятся во всех наших малых русско-немецких словарях: карманных, школьных и т. д.

В иностранно-русских словарях прямых ошибок меньше. Основные погрешности заключаются в отсутствии стилевых

---

<sup>9</sup> Слово *курсант* даже и не интернациональное, оно образовано в русском языке, но за пределами СССР распространения не получило. Справедливости ради надо заметить, что наряду с искусственным переводом приводятся и «настоящие» — *Projektor*, *Kursusbesucher*. Но это только подтверждает нецелесообразность искусственного построения слов-переводов.



помет. Кроме того, иностранно-русские словари довольно часто теряют национальные значения переводимых слов<sup>10</sup>.

Стилевые огрехи проявляются, например, в том, что целый ряд вышедших из употребления и отмирающих значений, давно уже перешедших в немецком слове на последнее место, не только помещается немецко-русскими словарями на первое место, но и не снабжается никакими пометами, то есть приравнивается к тем значениям, в которых слово относится к нейтральному слою лексики. Так, во всех наших немецко-русских словарях на первом месте стоит отмирающее значение *apart* 'отдельный', в словаре под редакцией А. А. Лепинга и Н. П. Страховой приводится окончательно выпавшее (мертвое) значение *Konkurs* 'конкурс, соискание' и т. п.<sup>11</sup>.

С другой стороны, множество значений, даже таких, в которых немецкое слово общеупотребительно, словарями не приводится: *Kadett* 'курсант', *kalkulieren* (разг.) 'сообщать, прикидывать' и т. д.

Есть в немецко-русских словарях и прямые ошибки того же типа, что в русско-немецком словаре. Все словари переводят *Naphta* как *нефть*, приписывают слову *Enquete* русское значение 'опросный лист'. В словаре под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Страховой русские значения 'амбиция', 'экспансивный' и т. д. приписаны также словам *Ambition* ('честолюбие'), *expansiv* и другим. При этом ни один словарь никак не отмечает, что нем. слова *Naphta*, *Enquete*, *Ambition* и т. п., в отличие от соответствующих русских, не являются общеупотребительными. Бывает и так, что слово, переводившееся правильно в начале 30-х годов большим немецко-русским словарем под ред. проф. Мейера (*Keks* — 'печенье'), во всех последующих словарях 30—50-х годов переведено неверно (*Keks* — *кекс*) и только сейчас начинают вноситься необходимые исправления.

---

<sup>10</sup> Для немецкого языка имеется два основных и очень неплохих иностранно-русских словаря, которые служат базой для всех прочих: «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1962, и «Немецко-русский словарь» под ред. проф. И. В. Рахманова, М., 1954.

<sup>11</sup> В современных немецких толковых словарях подобные значения либо помещены на последнее место (обязательно с пометой), либо вовсе выброшены. См. „Fremdwörterbuch“, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, а также „Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache“, herausgegeben von Prof. Dr. Rüdiger Klappenberg, Akademie-Verlag, B.

В очень выгодном положении оказался немецко-русский словарь под ред. проф. И. В. Рахманова; ссылаясь на семантическую тождественность сходных по звуковому составу слов немецкого и русского языка (см. Предисловие, стр. 5), этот словарь почти не приводит заимствованных слов и тем самым избегает большого количества ошибок, разумеется за счет немалых потерь. Слова типа *Ambition*, *expansiv*, *Manipulator*, *Keks* отсутствуют независимо от того, общеупотребительны они или нет. Отсутствуют также и многие сложные слова с интернациональными корнями, смысловое содержание которых не соответствует семантике параллельных русских сложных слов.

Таким образом, иностранно-русские словари поддерживают прививаемое со школьной скамьи представление о преобладающей тождественности смыслового содержания (любых) интернациональных параллельных слов.

Неудивительно поэтому, что в нашей прессе (особенно в корреспонденциях, цитирующих зарубежную печать) и в переводной художественной литературе, а также в процессе живого общения с иностранцами (обмен делегациями и пр.) до сих пор встречается немало ошибок, погрешностей и недоразумений, связанных с неправильным переводом интернациональных слов. В наших газетах можно прочитывать о глубоком «контексте» нового итальянского фильма (вместо русск. *подтекст*), об «инструментах», установленных на спутниках и космических ракетах (вместо русск. *приборы*) и т. п.. Во всех этих случаях соответствующие слова иностранного языка действительно имеют значение 'подтекст', 'прибор' и т. д. Но русские параллели либо утратили эти значения, либо никогда их не имели, и современные их значения полностью или частично не соответствуют смыслу корреспонденций.

Особенно много погрешностей можно найти в переводной художественной литературе. Так, в русском переводе романа Э. М. Ремарка «*Drei Kameraden*» слово *Delikatesenhandlung* передается как 'магазин деликатесов', хотя в действительности это обычный гастрономический магазин. Число подобных примеров легко можно умножить.

Все это позволяет сделать вывод, что лексикологи и лексикографы до сих пор не уделяют проблеме интернациональных слов того внимания, которого она заслуживает. Интернациональные слова являются важной составной

частью словарного запаса любого языка. По ряду причин их семантическое и стилевое содержание может изменяться гораздо быстрее, чем смысловое содержание незаимствованных слов. Пристальное изучение этих изменений позволило бы не только избежать многих конкретных ошибок, но и выявить ряд общих закономерностей лексического развития. Это возможно, однако, лишь в том случае, если будут введены необходимые улучшения в практику составления двуязычных словарей и в методику преподавания интернациональной лексики.

Л. П. Ступин  
(Ленинград)

### НЕОБХОДИМЫ ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ\*

«Тетради переводчика» начали статью Л. С. Бархударова<sup>1</sup> чрезвычайно важный, на мой взгляд, и давно назревший разговор о современном состоянии и дальнейшей судьбе нашей двуязычной лексикографии<sup>2</sup>. Мне хотелось бы поддержать этот разговор и внести некоторые предложения о необходимости включения в наши двуязычные переводные словари имен собственных или даже о необходимости создания особых словарей, регистрирующих собственные имена.

В этой статье я буду говорить о наших двуязычных английских словарях (англо-русских и русско-английских). Однако думаю, что положения, выдвинутые в статье, могут быть применимы и в отношении двуязычных словарей других языков, ибо состояние двуязычной романской, не-

---

\* Печатается в порядке обсуждения.

<sup>1</sup> Л. С. Бархударов. О так называемых кратких словарях. «Тетради переводчика». Вып. 1. М., 1963, стр. 71—76.

<sup>2</sup> См. также: В. Г. Гак. О разных типах двуязычных словарей. «Тетради переводчика». Вып. 2. М., 1964, стр. 71—78; С. Н. Андрианов. Некоторые вопросы построения словарей специальной терминологии. Там же, стр. 78—91.

мецкой, скандинавской и другой лексикографии в этом вопросе ничуть не лучше, чем английской.

В настоящее время, как известно, у нас на книжном рынке есть лишь два так называемых «больших» английских словаря: 1) Англо-русский словарь. 70 000 слов и выражений. Составил проф. В. К. Мюллер. Издание одиннадцатое. Изд. «Советская энциклопедия». М., 1965<sup>3</sup>; 2) Русско-английский словарь. Около 50 000 слов. Под общим руководством проф. А. И. Смирницкого. Изд. седьмое под ред. О. С. Ахмановой. Изд. «Советская энциклопедия». М., 1965<sup>4</sup>.

Кроме этих двух словарей у нас еще имеется некоторое количество так называемых «малых» словарей<sup>5</sup>, однако на них вряд ли стоит останавливаться, так как они не представляют собой оригинальные работы, а, как правило, воспроизводят (но, естественно, в уменьшенном масштабе) тот же материал, что и большие словари<sup>6</sup>.

Указанные выше два словаря являются общими словарями. Ими широко пользуется большинство людей, так или иначе связанных с языком: студенты гуманитарных и негуманитарных вузов, переводчики, школьники старших классов, изучающие язык самостоятельно, и т. д. О том, что эти (и им подобные) словари нужны, свидетельствуют хотя бы постоянные (в основном, стереотипные) их переиздания, появляющиеся почти каждый год. Не будем говорить о явно недостаточном количестве словарей такого типа. Наличие только одного большого англо-русского и одного русско-английского словарей уже само по себе явно ненормальное явление. Умолчим также и о достоинствах и недостатках этих двух словарей. Последних там, очевидно, немало ибо эти словари создавались 15—20 лет назад, а известно, какой большой путь развития прошли с тех пор лексикология и лексикография. Однако все это темы особых статей, и не будем на них сейчас останавли-

---

<sup>3</sup> В дальнейшем: словарь Мюллера.

<sup>4</sup> В дальнейшем: словарь Смирницкого.

<sup>5</sup> См., например: Краткий англо-русский и русско-английский словарь. Под ред. А. В. Литвиновой. Изд. одиннадцатое. М., «Советская энциклопедия», 1965; Русско-английский словарь. Под ред. О. С. Ахмановой. Изд. пятнадцатое. М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1963.

<sup>6</sup> См. также по поводу этих словарей цитированную выше статью Л. С. Бархударова.

ваться. Рассмотрим лишь отношение указанных двух словарей к именам собственным.

Англо-русский словарь Мюллера<sup>7</sup>, как правило, регистрирует (в самом словнике или в приложении, т. е. отдельными списками) следующие группы имен собственных:

1) Английские личные имена (мужские и женские): Alexander *Александр*, John *Джон*, Elisabeth *Элизабет*, и т. п. Эти имена даны в приложении, отдельным списком («Список имен»).

2) Различные географические названия (названия материков, стран, городов, рек, гор и т. п.): Africa *Африка*, Thailand *Таиланд*, London *Лондон*, Mississippi *Миссисипи*, The Urals *Уральские горы* и т. д. Географические названия также даны в приложении к словарю.

3) Названия планет, звезд, созвездий: Mars *Марс*, Leo *Лев*, Dog's Tail *Малая медведица* и т. д. Эти названия даны в самом словнике словаря на своих алфавитных местах.

4) Имена библейских персонажей: Eve *Ева*, Adam *Адам*, Cain *Каин*, Luke *Лука*; Moses *Моисей* и т. д. Большинство из них приведено в приложении, в «Списке имен» наряду с обычными личными именами; однако некоторые даются в самом словнике словаря, на своих алфавитных местах. Иногда эти имена приводятся дважды: в самом словнике и в приложении, в «Списке имен».

5) Имена мифологических персонажей (приводятся в словнике словаря на своих алфавитных местах): Aurora *Аврора*, Jove *Юпитер*, Tantalus *Тантал* и т. д.

6) Названия библии и ее частей (они также даются в самом словнике): Bible *библия*, Old Testament *Ветхий завет* и т. д.

7) Названия праздников и некоторых исторических событий (даны в словнике): The Great October Socialist Revolution *Великая Октябрьская социалистическая революция*, Easter *пасха*, Independence Day *День провозглашения независимости США* и т. д.

8) Прозвища людей, различного рода перифрастические обозначения тех или иных мест, стран, организаций и т. п. (даны в словнике): The Bard of Avon *Шекспир*,

---

<sup>7</sup> Примеры цитируются по седьмому, переработанному и дополненному изданию.

Old World *Старый свет*, Восточное полушарие, New World *Америка*, The Old Lady of Threadneedle Street *Английский банк*, New Deal *новый курс* (Ф. Д. Рузвельта) и т. д.

9) Топонимические названия, то есть названия улиц, районов, зданий и т. п. (даны в словнике): Throgmorton Street *улица в Лондоне, где расположена биржа*, East Side *Ист-Сайд, район бедноты в Нью-Йорке*, East End *восточная (рабочая) часть Лондона*, Newgate *Ньюгейтская долгая тюрьма Лондона* и т. д.

Таковы те группы имен собственных, которые приводит словарь Мюллера.

Необходимо отметить, что словарь далеко не равноценно фиксирует перечисленные выше группы. Если в отношении первых семи групп (за исключением названий исторических событий, которых в словаре явно недостаточно) можно сказать, что они приведены, как правило, системно и последовательно, то есть даны наиболее широко известные имена, то в отношении восьмой и девятой групп этого сказать нельзя. Эти две группы представлены в словаре крайне бедно.

Так, например, словарь не дает, за редким исключением, прозвищ выдающихся английских исторических деятелей, людей науки, литературы, искусства (например, Peasant Bard *прозвище Роберта Бернса*). Названия известных улиц, районов, площадей также почти совсем не приведены (например, такие известные, как: Piccadilly Circus *площадь Пиккадилли*; Trafalgar Square *Трафальгарская площадь* (в Лондоне); Manhattan *Манхэттен*; Rockefeller Center *Рокфеллеровский центр*; Radio City *Рейдио Сити* (в Нью-Йорке).

Словарь Мюллера, как правило, вообще не регистрирует:

1) Имена выдающихся исторических деятелей различных стран и эпох: Julius Caesar *Юлий Цезарь*, Washington *Вашингтон*, Lincoln *Линкольн* и др.

2) Имена известных ученых, писателей, художников: Newton *Ньютон*, Raphael *Рафаэль*, Chaucer *Чосер* и др.

3) Наиболее известные имена героев литературных произведений: Hamlet *Гамлет*, Robin Hood *Робин Гуд*, Werther *Вертер* и др.

4) Наиболее употребительные английские фамилии как таковые: Smith *Смит*, Robinson *Робинсон*, Brown *Браун* и др.

5) Названия наиболее известных произведений мировой литературы и искусства: *Romeo and Juliet Ромео и Джульетта*, *Iliad Илиада*, *Aeneid Энеида*, *The Monument Монумент* (дорическая колонна в память о большом пожаре в Лондоне в 1666 г.) и др.

6) Названия газет, журналов и других периодических изданий: *Morning Star Морнинг Стар*, *The Times Таймс* и др.

7) Названия наиболее известных фабрик, заводов, фирм: *General motors Джeneral моторе*, *Chrysler Крайслер* и др.

8) Названия политических партий, общественных организаций: *The Conservative Party консервативная партия*, *Red Cross Красный крест* и др.

9) Клички животных: *Pussy — кличка кошки*, *Jack — кличка собаки* и др.

Как видно из приведенного материала, англо-русский словарь Мюллера включает (более или менее полно, — это уже другой вопрос, вопрос отбора) следующие группы имен собственных:

1) личные имена; 2) географические названия; 3) названия планет, звезд; 4) имена библейских персонажей; 5) имена мифологических персонажей; 6) названия библии и ее частей; 7) названия праздников и исторических событий.

Словарь Мюллера, по сути дела, систематически не фиксирует:

1) прозвища выдающихся людей; 2) названия улиц, площадей, зданий и т. п.; 3) имена исторических деятелей; 4) имена известных деятелей в области науки и искусства; 5) имена героев литературных произведений; 6) английские фамилии; 7) названия произведений литературы и искусства; 8) названия газет, журналов, и т. п.; 9) названия фабрик, заводов, фирм и т. п.; 10) названия политических партий и общественных организаций; 11) клички животных.

На основании этого приходится констатировать, что подавляющее большинство имен собственных выпадает из поля зрения англо-русского словаря Мюллера.

Посмотрим, какие группы имен собственных дает русско-английский словарь Смирницкого<sup>8</sup>. Словарь включает:

---

<sup>8</sup> Материал приводится по третьему, исправленному и дополненному изданию.

- 1) географические названия (в приложении);
- 2) названия планет;
- 3) имена мифологических персонажей;
- 4) названия библии и ее частей;
- 5) названия праздников и исторических событий;
- 6) перифрастические обозначения стран, частей света;
- 7) названия политических партий, общественных организаций и т. п.

Словарь, как правило, не включает:

- 1) русские и английские личные имена;
- 2) имена библейских персонажей;
- 3) прозвища выдающихся людей;
- 4) русские и английские топонимические названия;
- 5) имена исторических деятелей;
- 6) имена известных ученых, писателей, художников;
- 7) имена действующих лиц художественной литературы;
- 8) фамилии русские и английские;
- 9) названия произведений литературы и искусства;
- 10) названия газет, журналов и т. п.;
- 11) названия фабрик, заводов, фирм;
- 12) клички животных.

Таким образом, читатель, пользующийся этими двумя переводными словарями, не имеет возможности узнать, например, как пишутся по-английски: Чосер, Юлий Цезарь, Рафаэль, Шекспир, Диккенс и др.; и обратное, он не имеет возможности узнать и то, как обычно передаются на русский язык эти и подобные им английские имена собственные.

Не знает он и как передаются на английский язык русские фамилии, например: Чехов, Шолохов, Шварц и др. Более того, вообще нигде в наших справочниках русский читатель не сможет найти принятые в настоящее время, наиболее распространенные русские переводные эквиваленты следующих (и подобных им) английских названий: Peasant Bard, Picadilly Circus, Victoria Station, Radio City, Romeo and Juliet, Iliad, General Motors, Chrysler и т. д. Не найдет он их по самой простой причине — они почему-то вообще не фиксируются нашими справочными пособиями.

Спрашивается, как, с помощью каких справочников студент или школьник может перевести на английский язык такие русские названия и имена как Невский проспект, Адмиралтейство, Циолковский, Тихий Дон, Подня-



тая целина, Электросила, Кировский завод, Известия, Литературная газета и т. д. и т. п. Никто не может (из-за недостатка времени, а иногда и книг) поднимать каждый раз для наведения справки гору литературы, в которой, может быть, попадутся эти и подобные им названия и имена (а вдруг не попадутся?!). Если учесть, какое огромное количество времени теряют те, кто ищет подобную справку (и в большинстве случаев просто не могут ее найти), то тогда станет ясным, как крайне необходимы русскому читателю двуязычные переводные словари имен собственных; как необходимо, чтобы двуязычные словари фиксировали в своих словниках, если не все, то хотя бы большую часть перечисленных выше групп имен собственных. А между тем наши двуязычные словари, например английские, заполнены таким большим количеством лишнего, не нужного никому лексического материала, что одно только освобождение их от этого материала дало бы достаточно места (при существующих объемах словарей) для включения многих групп собственных имен. Англо-русский словарь Мюллера не дает, например, таких имен собственных, как *Milton Мильтон*, *Westminster Abbey Вестминстерское аббатство*, *St. Paul's Cathedral Собор св. Павла*, но зато регистрирует вряд ли нужные кому-либо специальные термины, такие, например, как *ilium*, анат. *подвздошная кость*; *bone-sprain костный шпат* (болезнь у лошадей); *quebracho квебрахо* (очень твердая древесина некоторых южноамериканских деревьев) и массу других. Кому нужны эти термины? Ясно, что специалист не будет искать их в общем словаре, он возьмет специальный словарь, а неспециалисту они просто не нужны. Спрашивается, что важнее для студента, школьника или вообще для человека, изучающего язык: знать, как произносится по-английски слово *ilium* или слово *Цезарь*. Думается, что с последним он встретится чаще.

На основании изложенного нам представляется, что такое положение, когда изучающий английский язык не имеет возможности навести справку о том или ином имени собственном, подчеркиваем, ни в одном из существующих словарных пособий, является, на наш взгляд, явно ненормальным. Имена собственные остаются какой-то *terra incognita*, доступ к которой закрыт нашими лексикографами, причем закрыт искусственно. Между тем это чрезвычайно важная часть лексики языка, та его часть, без знания

которой нельзя говорить о свободном владении иностранным языком. Ввиду этого представляется необходимым прежде всего введение в словники существующих двуязычных переводных словарей, по крайней мере большей части имен собственных из перечисленных выше их групп. Это первая ближайшая задача, требующая своего незамедлительного решения.

Вторая задача, стоящая перед нашей двуязычной лексикографией, — создание особых словарей имен собственных (как англо-русских, так и русско-английских), отражающих по возможности полно все их разнообразие.

Конечно, это по многим причинам весьма сложные и довольно трудно осуществимые задачи, но как бы то ни было, практика ставит их в настоящее время во весь рост, и они должны быть осуществлены.

# III. Вопросы методики преподавания перевода

---

Я. И. Рецкер  
(Москва)

## ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА

(Из опыта преподавания перевода с английского языка)

Всякая методика определяется прежде всего целевой установкой преподавания. Переводческий факультет I Московского государственного педагогического института иностранных языков готовит переводчиков-референтов общественно-политических и научно-технических материалов, а также устных переводчиков. Целевая установка обучения — всестороннее развитие навыков письменного и устного перевода — распространяется на всех обучающихся. (Синхронным переводом занимаются лишь студенты, имеющие данные для этой работы.) Таким образом, методика преподавания в I МГПИИЯ должна учитывать двойную направленность профилирующей дисциплины письменного и устного перевода. По существу это две разные профессии, две специальности, что подчеркивается даже их английскими названиями: *translator* и *interpreter*.

Второй важнейший фактор, влияющий на выбор методов обучения, — это уровень языковой и общеобразовательной подготовки обучающихся. Нужно помнить, что обучение переводу ведется параллельно с обучением иностранному языку. Преподавание перевода как особой дисциплины начинается после того, как завершен курс нормативной грамматики изучаемого языка, то есть на третьем году обучения. Следовательно, в течение еще трех лет

студент должен одновременно овладевать иностранным языком и получать разнообразные знания, необходимые для будущего переводчика. Естественно, что методика преподавания перевода должна быть нацелена на расширение и углубление знаний и навыков в области не только иностранного, но и родного языка, а также на расширение общего кругозора студентов.

Уже один тот факт, что преподавание перевода продолжается три учебных года (шесть семестров), выдвигает вопрос о структуре курса перевода. Это учтено в программе факультета переводчиков, утвержденной в 1958 году, где предусматривается распределение проблем перевода и материалов различных жанров по курсам. Однако программа не определяет и, по-видимому, не может определять методики преподавания перевода. Попытаемся восполнить этот пробел и наметить основные направления этой методики и, что кажется нам очень важным, принципиальное обоснование разделения преподавания перевода на определенные этапы.

Надо сказать, что необходимость градации трудностей в преподавании перевода далеко не является аксиомой. Особенно если под этой градацией понимать не только постепенное усложнение переводимых материалов, но и определенную последовательность введения теоретических проблем и усвоения практических навыков перевода.

Противники градации трудностей в курсе перевода ссылаются на комплексный характер процесса перевода. Действительно, если можно рассматривать отдельно грамматические, лексико-фразеологические и стилистические проблемы перевода теоретически, то очень трудно разделить эти проблемы в практике перевода и установить определенную последовательность включения разнообразных приемов перевода в арсенал переводческих навыков. Однако эти трудности преодолимы. Главное условие постепенного введения все более трудных явлений в теорию и практику перевода — тщательный отбор текстов и широкое использование упражнений по переводу. Комплексность процесса перевода нисколько не исключает градации трудностей, если преподавание ведется на лингвистической основе и по концентрическому методу.

Преподавание перевода в языковом вузе должно быть основано на глубоком и всестороннем сопоставлении явлений иностранного и русского языков в процессе

перевода. Конечно, удобней всего это осуществлять при анализе письменного перевода, предварительно выполненного студентами. Но не исключена возможность такого сопоставления и в процессе устного перевода текста в достаточно подготовленной для этого аудитории. Все же именно письменный перевод служит надежной основой для развития всех навыков перевода, независимо от профиля будущего переводчика. Ведь только при письменном переводе возможно соблюдение важнейшего условия: предварительного ознакомления со всем переводимым материалом до начала работы.

Однако, в отличие от преподавания языка, при обучении переводу основное внимание следует обращать не на трудности понимания, а на трудности выражения мысли подлинника на родном языке. Трудности понимания иностранного текста и трудности перевода — явления разного порядка. Нередко случается, что легко воспринимаемая без перевода английская фраза с трудом поддается переводу. Ее легче пересказать своими словами, чем перевести. Поэтому особенно важно для постепенного наращивания все более сложных явлений руководствоваться степенью расхождения между средствами (и формами) выражения мысли в двух сопоставляемых при переводе языках. Эти расхождения в области лексики, фразеологии, грамматики, стиля и должны составлять сущность лингвистической теории перевода.

Градацию трудностей в практике преподавания перевода удобней всего осуществить при концентрическом методе работы. Комплексность процесса перевода будет не препятствием, а подспорьем при концентрическом методе, когда почти все явления будут рассматриваться несколько раз, притом каждый раз — на более высоком уровне. Повышение уровней обусловливается включением функционально-стилистических и экспрессивно-оценочных факторов, а также необходимостью перехода к более сложным приемам перевода. Поскольку перевод преподается на трех старших курсах, целесообразно разделить курс перевода на три периода, состоящих из шести этапов, каждый из которых характеризуется введением новых теоретических проблем и новых приемов перевода. Эти новые для данного этапа явления и должны быть в центре внимания, но это не значит, что все остальное должно быть отодвинуто на задний план. Концентрический метод обеспечивает постоян-

ное повторение и более глубокое усвоение пройденного на более высоком уровне. Порядок введения теоретических проблем и приемов перевода показан на схеме (стр. 69).

Кроме того, в известной степени градация трудностей может осуществляться и за счет решения переводческих проблем в контексте различной протяженности. Можно построить курс перевода так, чтобы первый этап охватывал и теоретические проблемы, и практические навыки, укладываемые в рамки узкого контекста. Конечно, «узость» контекста нельзя понимать в прямом смысле слова, когда дело касается письменного перевода. Прежде чем начать переводить текст письменно, его нужно прочитать до конца. Это элементарное правило. Но тексты первого этапа должны быть таковы, чтобы все проблемы перевода в основном могли быть решены в пределах узкого контекста. Тем самым будут исчерпаны и все проблемы и приемы, встречающиеся в работе устного переводчика.

Фактически возможность решения переводческих задач в пределах предложения без постоянного учета содержания и формы всего переводимого материала в целом обуславливается, во-первых, знанием обстановки и, во-вторых, игнорированием ряда стилистических факторов, требующих соотнесения каждой части текста с целым. Ведь без знания обстановки, то есть, по крайней мере, места и времени действия, и устный перевод невозможен.

Конечно, не все стилистические факторы выключаются при оперировании с узким контекстом. Целый ряд проблем функциональной стилистики (например, стилистический выбор слов) и передачи экспрессивно-эмоциональных оттенков могут быть решены в рамках узкого контекста. На прилагаемой схеме (стр. 69) показано, как можно распределить теоретические проблемы и практические навыки по шести этапам обучения переводу. Конечно, это сугубо приблизительная схема, требующая проверки практикой применительно к конкретным условиям преподавания.

Для правильного понимания этой схемы необходимо помнить, что первейшим условием перевода даже простейшей информации, даже заметки в несколько строк является знание обстановки. В заметке об одном английском политическом деятеле было сказано: *a former abolitionist*. В англо-русском словаре Мюллера дано только одно значение этого слова: «аболиционист», что означает «сторонник освобождения негров». Между тем это слово имеет и два

других значения: 'сторонник отмены «сухого закона»' и 'сторонник отмены смертной казни'. Следовательно, для того, чтобы правильно перевести этот термин, нужно знать, к какой стране и к какой эпохе он относится, то есть знать обстановку. Очевидно, что если речь идет о политическом деятеле Англии наших дней, то abolitionist — это не кто иной, как сторонник отмены смертной казни.

Для будущего переводчика, особенно устного, очень важно знание как можно большего количества таких соответствий английским словам, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависят от контекста. Именно такие соответствия мы называем эквивалентными. Эквиваленты принципиально отличаются от всех других видов соответствий, так как их наличие лишает переводчика возможности выбора вариантов. Использование эквивалента требует от переводчика знания, а не умения. И если при письменном переводе переводчика, не знающего существующего эквивалента, может спасти словарь, то устный переводчик лишен этого подспорья.

Иное дело — вариантное соответствие, то есть одно из ряда возможных соответствий, зависящих от контекста. Здесь, на первом этапе обучения, важно исключить такие случаи, когда для правильного выбора слова из ряда синонимов необходимо привлекать широкий контекст.

Почти все теоретические вопросы и приемы перевода могут быть изучены в рамках узкого контекста. Вполне осуществим и широкий охват комплексных явлений уже при переводе отдельных предложений.

Например, в статье о разнузданном терроре расистов в штате Миссисипи говорится: *Mississippi is a state where the wanton murder of Negroes is not only sanctioned, but connived at and participated in by officialdom.* (Daily Worker, October 26, 1964.)

Из трех английских глаголов только один имеет русское соответствие в пассивной форме (санкционируются), другие же два должны быть переведены глаголами в действительном залоге. Но в данном случае мы имеем дело не просто с переводом пассива, а с переводом трех однородных членов предложения, что делает синтаксический разнобой нежелательным. Кроме того, хотя все английские глаголы отнесены к одному существительному, каждый из них имеет свое управление (беспредложное и с разными предлогами).

Поэтому русский перевод глаголами с разным управлением будет излишне многословным: «Миссисипи — это штат, где местные власти не только санкционируют зверские убийства негров, но попустительствуют этим преступлениям и сами принимают в них участие». Несравненно лаконичней будет фраза, если заменить глаголы существительными: «Миссисипи — это штат, где зверские убийства негров совершаются не только с благословения местных властей, но и при их попустительстве и прямом участии». Таким образом, при переводе одного этого предложения мы решали четыре проблемы: перевод пассива, перевод однородных членов, передачу двойного управления и замену частей речи как один из приемов перевода. И все это в рамках узкого контекста.

От стадии закрепления эквивалентов и развития умения находить контекстуальные значения (в конце второго этапа) намечается переход к труднейшим случаям целостного преобразования и переосмысления, столь характерным для перевода живой разговорной речи и идиоматичной фразеологии. Под целостным преобразованием мы имеем в виду полную грамматическую трансформацию предложения, с которой, как видно на схеме, учащийся должен познакомиться еще в начале второго этапа. Целостное переосмысление — это дальнейшее развитие приема смыслового развития и антонимического перевода. Когда фразу *Don't imagine such a vain thing* из памфлета Драйзера «Америку стоит спасать» мы переводим: «Не будьте так наивны», мы прибегаем к целостному переосмыслению, которое, в отличие от целостного преобразования, не зависит от грамматики.

Большое значение на всех этапах обучения имеют тематические упражнения, рассчитанные на овладение определенными приемами перевода и на преодоление определенных лексических, грамматических и стилистических трудностей перевода. Эти упражнения, состоящие из кратких сообщений и отдельных предложений, должны, точно так же как и тексты для перевода, иметь познавательную ценность. Кроме того, они должны способствовать обогащению словарного запаса студентов в нужном направлении. Следовательно, предпочтительней со всех точек зрения, чтобы упражнения подбирались из газет и публицистики, где легче найти материал, совершенно понятный и без контекста. Естественно, что первый период обучения характеризуется на-



## Последовательность введения теоретических проблем и приемов перевода в курсе обучения переводу

Этапы обучения	Теоретические проблемы			Приемы перевода (в центре внимания)
	лексико-фразеол.	грамматические	стилистические	
I	Эквиваленты и варианты соответствия. Словари и справочники.	Порядок слов и структура предложения	—	Дифференциация и конкретизация значений
II	Выбор слова из синонимического ряда	Замена частей речи и членов предложения	Жанровые особенности текстов	Описательный перевод. Добавление и опущение слов
III	Раскрытие контекстуальных значений (в узком контексте)	Передача модальности; целостное преобразование	Передача средств выразительности	Смысловое развитие. Антонимический перевод
IV	Раскрытие контекстуальных значений (в широком контексте)	Особенности экспрессивного синтаксиса	Передача экспрессивно-эмоционального значения	Целостное переосмысление
V	Безэквивалентная лексика. Перевод неологизмов.	—	Передача экспрессивной модальности. Передача функционально-стилистич. окраски	Экспрессивная конкретизация
VI	Перевод пословиц и поговорок. Перевод цитат и аллюзий.	—	Передача ритмо-мелодического рисунка. Речевые характеристики	Компенсация потерь при переводе

коплением эквивалентов и развитием умения правильно выбирать слова из числа вариантных соответствий. Поэтому для начинающего переводчика нет более важной задачи, чем научиться работать со словарем. И не только с двуязычным, англо-русским, но и с английскими толковыми и синонимическими словарями. Английская лексика отличается исключительной многозначностью. Кроме того, значительная доля английских слов обозначает широкие, недифференцированные понятия. Поэтому при переводе на русский язык одним из распространеннейших приемов является выделение более частного и более конкретного значения слова, то есть дифференциация и конкретизация значений. Разумеется, это осуществимо лишь в тесной зависимости от контекста, но эти значения по существу нельзя считать контекстуальными, так как они входят в смысловую структуру слова. Даже если мы не находим их в наиболее полном англо-русском словаре Мюллера, их можно обнаружить либо в объяснении значений искомого слова в толковом словаре (чаще всего объяснении синонимическом), либо в английском словаре синонимов. Такие значения, входящие в семантическое поле слова, следует считать его нормативными значениями.

Иное дело значения, создающиеся употреблением слова в определенных контекстах. Уже в силу своей окказиональности такие значения обычно не фиксируются в словарях; они могли бы быть учтены лишь в словаре словосочетаний, да и то не всегда, так как часто для определения контекстуального значения приходится привлекать всю смысловую группу или даже целое предложение.

Основная задача второго периода (3-й и 4-й этапы) состоит в раскрытии контекстуальных значений. Это очень широкое понятие «контекстуальности» подразумевает необходимость поиска переводчиком слова за рамками словарных соответствий, но все же отталкиваясь от них. Конечно, в какой-то мере оперировать с контекстуальными значениями придется и на первых двух этапах обучения, но в пределах первого концентратора это должно быть или сведено к минимуму подбором текстов, или облегчено преподавателем.

Что же означает «отталкивание от словарных значений»?

Проще всего это показать на конкретном примере. В статье о заповедниках Южной Африки, помещенной в газете «Нью Йорк Таймс» в 1962 году, есть такая фраза:

The lake has a 550-mile shoreline that offers just about everything the outdoorsman might want. (New YorkTimes)

Хотя слово *outdoorsman* в словарях отсутствует, но в англо-русском словаре В. К. Мюллера мы находим его первую основу:

**outdoor** 1) находящийся или совершающийся вне дома, на открытом воздухе; ~games игры на открытом воздухе; ~life жизнь вне дома (связанная с нахождением в лесу, поле и т. п.).

Отсюда вытекает, что *outdoorsman* — это человек, склонный к подобному образу жизни, и что приведенную выше фразу можно перевести примерно так:

«Протяженность береговой линии озера 830 км. Любитель охоты и жизни на лоне природы найдет здесь все, что его душе угодно».

В данном случае словарь оказал несомненную помощь, но, отталкиваясь от его данных, переводчик проделал сложную логическую операцию, характерную для перехода к текстам высшей трудности.

Огромную роль на высших этапах обучения переводу играет усвоение приема экспрессивной конкретизации, то есть замены в переводе стилистически нейтральных английских слов экспрессивно-эмоциональными русскими словами и словосочетаниями. Необходимость в этом диктуется свойствами русской лексики. Вот несколько показательных примеров, в которых такая замена глаголов *get*, *take*, *come*, *go*, *open*, *offer*, не только закономерна, но просто неизбежна.

She was able *to get* every ounce of humour out of the semi-colon. (W. Somerset Maugham. The Creative Impulse, p. 123.)

«...из точки с запятой она умела *выжать* весь юмор до последней капли». (У. Сомерсет Моэм. Источник вдохновения, Сборник рассказов «Дождь», пер. М. Лорие, стр. 239.

She saw that it would be asking too much of the world if she *took* him about with her always. (Ibid., p. 129.)

«... Она понимала, что повсюду *возить* его с собою значило бы злоупотреблять чужой любезностью». (Там же, стр. 245.)

Mrs. Forrester was not the kind of woman to whom you can *offer* condolences. (I b i d., p. 138.)

«К такой женщине, как миссис Форрестер, не *сунешься* с утешениями». (Т а м ж е, стр. 255.)

If it had been a dancer or a lady of title I daresay it wouldn't have done you any harm, but a cook would *finish* you. (I h i d., p. 141.)

«Другое дело танцовщица или титулованная леди, — это, возможно, вам и не повредило бы, но кухарка вас *доконает*». (Т а м ж е, стр. 258.)

He spilled down with such velocity that he *took* the skin off his hands. (A. C o n a n D o y l e. The Sign of the Four, p. 157.)

«Он спустился вниз так поспешно, что *содрал* с рук кожу». (А. К о н а н - Д о й л ь. «Знак четырех», пер. М. Литвиновой.)

Feeling that my companions would not *be led* into conversation, I took out my pipe. (I b i d., p. 216.)

«Видя, что мне не удастся *втянуть* сикхов в разговор, я вынул трубку...»

“The door must *come down*”, he answered, and, springing against it, he *put* all his weight upon the lock. (I b i d., p. 154.)

— Нужно *высадить* дверь, — ответил он и, *навалившись* на нее всем телом, попытался *сорвать* замок.

The dogs *opened* in front of me. (A. C o n a n D o y l e. Adventure of Gerard., p. 97.)

«Собаки *шарахнулись* от меня в стороны». (А. К о н а н - Д о й л ь. «Приключения бригадира Жерара», пер. В. Хинкиса.)

Все выделенные нами глаголы в переводах этих примеров совершенно точно передают характер действий и все они ярко экспрессивны. Кроме того, они обозначают каждое действие конкретней, чем соответствующий английский глагол более общего и более широкого значения. Такова сущность приема экспрессивной конкретизации, показанного здесь в рамках узкого контекста — отдельного предложения. Однако в подавляющем большинстве случаев экспрессивная конкретизация невозможна без учета

широкого контекста и обстановки. И в приведенных здесь примерах, особенно же из рассказа Сомерсета Моэма, раскрытие каждого глагола согласовано с общей иронической экспрессией повествования<sup>1</sup>.

Разумеется, прием экспрессивной конкретизации распространяется не только на глаголы, но и на другие знаменательные части речи. При переводе с английского и французского он наиболее характерен для глаголов в силу преобладания стилистически нейтральных глаголов в современной художественной прозе и публицистике на этих языках.

Решающее значение учета коннотаций на высших этапах обучения должно быть показано и на примерах «ниспровержения» эквивалентов вообще и фразеологических эквивалентов в особенности. Практика перевода показывает, что в зависимости от широкого контекста очень многие эквивалентные соответствия, даже кажущиеся незыблемыми и абсолютными, перестают быть такими. Вот очень показательный пример.

Отец Динни Черелл, героини трех последних романов Голсуорси, отставной генерал, обсуждает с дочерью результаты всеобщих выборов 1931 года, принесших победу консерваторам.

Горячее время выборов миновало, и генерал выразил сущность воцарившейся затем атмосферы следующими словами:

— Что ж, они это заслужили.

— А тебя, папа, не пугает мысль о том, как будут ругать этих людей, если им ничего не удастся сделать?

Генерал улыбнулся.

— «Довлеет дневи злоба его», Динни.

(Дж. Г о л с у о р с и. Собрание сочинений, изд. «Правда», том 10, стр. 307. )

From Condaford the hot airs of election time had cleared away and the succeeding atmosphere was crystallised in the General's saying:

“Well, those fellows got their deserts.”

“Doesn't it make you tremble, Dad, to think what

---

<sup>1</sup> В книге В. Г. Гака «Беседы о французском слове» (М., «ИМО», 1965 г.) описываемое здесь явление называется экспрессивным согласованием.

these fellows' deserts will be if they don't succeed in putting it over now?

The General smiled.

"Sufflcient unto the day, Dinny". (G. G a l s w o r t h y. Over the River., p. 56.)

Конечно, «довлеет дневн злоба его» — точный словарный эквивалент библейской цитаты. Но пригоден ли он в данной ситуации? По-русски эта цитата, состоящая из трех церковно-славянизмов, звучит в разговоре отца с дочерью если не елейным ханжеством, то, по меньшей мере, напыщенно и фальшиво. Между тем отец Динни обрисован автором как умный, искренний и вполне современный человек. К тому же он не цитирует библейское выражение полностью, в его словах — лишь аллюзия. Переводчик поступил бы правильно, заменив библеизм поговоркой «Всякому овощу свое время».

Чтобы с полным основанием пойти на такую замену, нужно не только тщательно изучить все слагаемые облика говорящего (в данном случае — по трем романам, где он выступает), но и учитывать, где, когда и с кем он говорит. Это общие неперменные условия перевода речевых характеристик, зависящие от широкого контекста и обстановки. Но данный пример показывает также зависимость перевода от лингвистических факторов. Ведь сопоставление приведенной выше английской и русской цитаты из Библии свидетельствует об их неадекватности: и смысловой, и функционально-стилистической, и экспрессивной. Английское выражение шире по смыслу, чем русское. В английском архаичен только предлог, тогда как русское — сплошь архаично и потому накладывает на употребляющего его особый отпечаток. Английская цитата нейтрально-разговорна, но может приобретать иронический оттенок. Русская — в обиходном разговоре — производит эффект прямо противоположный. Наконец, следует учесть и несравненно большую распространенность библейских цитат в английской обиходной речи и литературе.

Наиболее характерным признаком последних этапов является наличие таких приемов перевода как целостное переосмысление и компенсация, не осуществимые без широкого контекста. Наряду с этим здесь, в высшем центре, рассматриваются и все уже знакомые по предыдущим этапам грамматические и лексико-фразеологические явления, осложненные функционально-стилистическими и экс-

прессивно-эмоциональными факторами. Особое внимание уделяется также закономерностям замены одних языковых средств другими в процессе перевода.

Так, например, в дополнение к способам передачи модальности в переводе, проходившемся на третьем этапе, на пятом этапе добавляются и средства передачи экспрессивной модальности, столь разнообразные в английском языке.

Большое значение имеют тщательно градуированные по трудности контрольные письменные работы. Именно они, в большей степени, чем внеаудиторные письменные задания, служат основным критерием успеваемости по письменному переводу. Профессиональный переводчик должен уметь переводить не только хорошо, но и быстро, что можно проверить только в аудитории. Контрольные работы должны храниться на кафедре и помогать преподавателю следить за успехами студента на протяжении всех лет обучения.

Следует также вести сравнительный анализ переводов, в процессе которого студенты приучаются самостоятельно определять достоинства и недостатки различных опубликованных и учебных переводов одного и того же текста, публицистического или художественного. Сопоставительный анализ дает возможность наиболее экономно показать наилучшие способы решения труднейших переводческих задач мастерами перевода, продемонстрировать тесное взаимодействие всех языковых средств в процессе перевода и, кроме того, познакомить студентов с основами редактирования переводов. С этой целью полезно сопоставить первое издание перевода с его переизданием, отредактированным более опытными переводчиками-редакторами, как, например, перевод М. Дьяконова в издании «Ярмарки тщеславия» Теккереля (1947 г.) с новейшим изданием под редакцией Р. Гальпериной и М. Лорие или «Финансиста» Драйзера в переводе М. Волосова и этот же перевод в собрании сочинений Драйзера под редакцией Н. Манн. Конечно, важно выбрать отрывки, которые не требовали бы сложного литературоведческого анализа.

Важную роль в методике преподавания перевода играют индивидуальные задания по письменному переводу, преследующие двоякую цель: помогать быстрейшему развитию творческих способностей будущего переводчика и, с другой стороны, служить корректировочным средством

преодоления индивидуальных недостатков. С этой второй целью индивидуальные задания можно вводить уже на первом этапе обучения переводу. Нужно помнить, что при подготовке переводчика индивидуальный подход имеет исключительное значение.

*Э. С. Азнаурова*  
(Ташкент)

### **ЗАДАЧИ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ НА СТАРШИХ КУРСАХ СПЕЦИАЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЯЗЫКОВОГО ПЕДВУЗА**

(на материале учебного пособия, созданного коллективом преподавателей кафедры английского языка Ташкентского госпединститута иностранных языков)

Известно, что если цели и методика работы над такими аспектами как аналитическое или домашнее чтение, разговорная практика в специальных языковых вузах более или менее определены, то в преподавании перевода, в разработке задач и методов работы над этим предметом, который, кстати говоря, в учебных планах выделен в самостоятельный аспект, нет еще принципиальной унификации и ясности.

За исключением известного труда А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» и интересных и содержательных книг Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман «Теория и практика перевода с английского языка на русский» (Москва, 1963) и В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера и В. И. Тархова «Пособие по переводу с английского языка на русский» (т. I, 1960, т. 2, 1965 г.) многочисленные пособия и руководства на эту тему рассматривают лишь отдельные стороны работы над аспектом, не включая его в общий комплекс преподавания иностранного языка в специальном вузе.

Организация учебного материала на кафедрах английского языка ТГПИИЯ осуществляется по следующему принципу: от комплексного обучения языку на I—II курсах — к аспектному на III и частично IV — и вновь к комплексному на заключительных этапах обучения.



Основным материалом на младших курсах является учебник и книга по домашнему чтению, основная цель — автоматизация языковых навыков. На III и в начале IV года обучения учебный материал четко разделяется по аспектам, цель — расширение вокабуляра, развитие навыков устной и письменной речи, аналитическая работа над текстом. На последних курсах обучения основным учебным материалом становится оригинальный художественный текст, на базе которого продолжается работа по расширению вокабуляра и развитию навыков устной и письменной речи. Параллельно идет работа по аспекту «перевод», которая, с одной стороны, служит более сознательному и более глубокому практическому и теоретическому овладению иностранным языком через навыки выявления в тексте лингвистических и стилистических особенностей изучаемого языка и соотношения их с родным языком. С другой стороны, занятия по переводу имеют и свои особые цели и задачи:

знакомство с основными положениями советской переводческой школы;

знакомство с основными лингвистическими и стилистическими трудностями перевода, с особенностями и принципами перевода с иностранного языка на родной текстов различных жанров;

знакомство с приемами анализа художественного перевода и выработка навыков чтения критической литературы.

Обучение письменному переводу тесно увязывается с такими теоретическими курсами как история языка, лексикология, нормативная грамматика, стилистика и, конечно, история и теория перевода, а также с курсами английской и американской литературы.

На перевод по учебному плану отводится 88 часов (IV—V курсы), обучение делится на четыре этапа.

На первом этапе обучения письменному переводу студенты знакомятся с лингвистическими и стилистическими вопросами перевода (с английского языка на родной — русский или узбекский), которые делятся на традиционные лексические и лексико - грамматические трудности, классифицированные по принципу нарастающей сложности.

Основные разделы: словарный состав языка как особая система, основанная на законах словоупотребления данного национального языка, и перевод.

Особенности передачи неологизмов, реалий, исторически окрашенной и интернациональной лексики.

Синонимические ряды и стилистические пласты в данной паре национальных языков, художественные тропы как отражение национальной культуры, примеры конкретных переводческих решений указанных стилистических категорий.

Структура и грамматический строй данных двух национальных языков, случаи грамматических совпадений и различий смысловых и стилистических функций близких по форме грамматических элементов в данной паре национальных языков.

В этом же разделе рассматриваются вопросы воссоздания интонационно-ритмического строя художественной прозы (характер синтаксических связей, повторы, параллелизмы, стилистическая инверсия и т. п.) и стихотворной речи (системы аллитерации, ассонансов, принципы рифмовки в данной паре национальных языков и т. д.).

Введение материала и практическая работа проводится следующим образом: учитывая, что курсы лексикологии, нормативной грамматики, стилистики, а также теории родного языка (вторая специальность в ТГПИИЯ) к IV году обучения прослушаны, студентам напоминается лингвистическая характеристика рассматриваемых языковых или стилистических явлений (например, неологизмов, фразеологических единиц или стилистическая характеристика лексических пластов языка) и указываются основные принципы их воссоздания на родной язык. Иногда эти принципы формулируются в аудитории на основе сделанных тут же переводов. Там, где требует материал, привлекаются сведения из теории перевода и литературы. Так, в разделе «Перевод реалий» говорится о понятии национальной специфики литературы, а если речь идет о метафоре или сравнении, напоминается, что в ряду прочих стилистических приемов они являются отражением национальной культуры, говорится о необходимости учета при переводе национального восприятия художественных тропов и т. п.

Некоторые разделы даются на предварительную самостоятельную проработку, рекомендуется список литературы, где данный вопрос (например, принципы передачи исторически окрашенной лексики) освещается с различных точек зрения. В процессе обсуждения прочитанного преподаватель наводит учащихся на правильные выводы, вырабатывая таким образом навыки критического чтения теорети-

ческой литературы, после чего предлагается серия упражнений на перевод данного языкового или стилистического явления. Это — упражнения на перевод отдельных предложений или небольших отрывков (на родной, в некоторых случаях — на иностранный язык); анализ опубликованных переводов отдельных предложений или коротких отрывков; сопоставление нескольких опубликованных переводов и доказательное обоснование лучшего варианта.

Сведения и навыки, приобретенные студентами, параллельно и в дальнейшем закрепляются в процессе работы над текстами по домашнему и аналитическому чтению; перевод отрывка включается в экзаменационные требования.

Познакомившись с основами переводческой работы, получив некоторые навыки и отдельные теоретические сведения, студенты приступают ко II этапу обучения — к слушанию теоретического курса, значительную часть которого составляет история и теория художественного перевода (всего 26—28 часов). Этот курс завершается семинарскими занятиями.

Курс истории перевода рассчитан на 12—14 часов — за это время при большом желании можно изложить историю перевода на Западе, в России и в Узбекистане. Однако учитывая, что целью этого курса может быть не столько знакомство с фактическим материалом, сколько привитие навыков самостоятельного осмысливания и оценки теоретических положений и практической переводческой работы наших предшественников, мы ограничивали этот курс для студентов с русским языком обучения историей русского и советского художественного перевода, для студентов с узбекским языком обучения — историей перевода в дореволюционном и советском Узбекистане. Основное внимание в курсах уделяется характеристике положительных и отрицательных сторон теории вольного и формально-точного перевода, студенты знакомятся с образцами работ представителей основных переводческих школ и направлений, освещаются достижения известных советских мастеров. Учащиеся знакомятся с уровнем современной переводческой критики.

Некоторые разделы курса читаются не в чисто лекционной форме, слушатели привлекаются к оценке тех или иных теоретических положений или к разбору конкретных примеров. Иногда до лекции раздаются тексты переводов для предварительного анализа, студентам поручается сделать

какие-то выводы, обобщения, что подготавливает аудиторию к активной творческой работе во время лекционных занятий.

Во втором разделе общей теории перевода рассматриваются идеологические и литературоведческие проблемы:

Предмет и место теории перевода в ряду других филологических дисциплин; принцип переводимости; цели и определение критерия точности в зависимости от жанра переводимого текста.

Проблемы передачи идейно-смыслового и художественно-образного содержания подлинника, передача национальной специфики оригинального литературного произведения.

Соединение творческой свободы с точностью научного анализа как метод советской переводческой школы: условия, необходимые для осуществления подобного перевода (изучение реальной действительности, отраженной в подлиннике, изучение художественного образа как отражения своеобразия национально-исторического развития и культуры данной нации, глубокое филологическое изучение текста и т. д.); основные этапы работы над переводом.

Образцы переводческой работы Ив. Кашкина и С. Маршака (для студентов с русским языком обучения), Шейхаде (для студентов с узбекским языком обучения).

Вслед за теоретическими курсами следуют практические семинарские занятия — перевод связных отрывков из художественных произведений (III этап обучения, 18—20 часов). Тексты для перевода и других видов работы на семинарских занятиях подбираются по следующему принципу: хронологически они соответствуют курсу английской и американской литературы, в то же время работа над каждым отрывком является практической иллюстрацией определенной темы теоретического курса и имеет свою целевую направленность. Так, например, работа над текстом из В. Скотта связывается с вопросами воссоздания исторического колорита, отрывки из Голсуорси дают богатый материал для разговора о путях и возможностях воспроизведения стилистических особенностей синтаксиса, образности; во время работы над Шоу и анализом четырех английских переводов «Вишневого сада» Чехова рассматриваются вопросы передачи речевых характеристик персонажей и т. д.

Вместе с отрывком студенты получают список литерату-

ры по данному вопросу; прочитанное так же, как и перевод, обсуждается на семинаре в форме творческой дискуссии.

Само собой разумеется, что подобные задания не исключают, а, напротив, предполагают комплексную работу над текстом, все языковые и стилистические явления, сколько-нибудь примечательные с переводческой точки зрения, не оставляются без внимания, анализируются и объясняются.

На семинарских занятиях предполагаются следующие виды работы: самостоятельный перевод с предварительным лингвистическим анализом текста и последующим обсуждением в аудитории в форме свободной дискуссии, «защиты» перевода, сравнительного анализа студенческого варианта и опубликованного; сопоставительный анализ опубликованных переводов на родной язык, выполненных представителями различных направлений, сопоставительный анализ нескольких переводов с родного языка на иностранный.

На заключительном этапе обучения (18—20 часов) студенты знакомятся со специфическими трудностями перевода публицистических и газетно-информационных текстов, основной учебный материал — “Morning Star”. В начале работы над газетным материалом даются краткие теоретические сведения, необходимые для практической работы над текстами: характеристика стиля газетных сообщений (brief news, communiqué), заголовков и объявлений, составляющих существо газетного стиля и газетных статей (editorials), являющихся разновидностью публицистического стиля. Затем следуют семинарские занятия, построенные на описанных выше методических принципах.

В конце курса (обзорно) учащиеся знакомятся с образцами перевода документально-деловых и специальных научных текстов.

Работа по переводу, помимо чисто филологических целей, о которых упоминалось выше, — углубленное и сознательное изучение иностранного и родного языков, развитие навыков литературного перевода, закрепление навыков стилистического анализа и др. — знакомит учащихся с образцами литературы различных жанров, с индивидуально-художественным стилем писателей и культурой народа, язык которого они изучают, развивает у молодых людей чувство стиля и красоты языка, развивает вкус к творческой работе.

## IV. Заметки

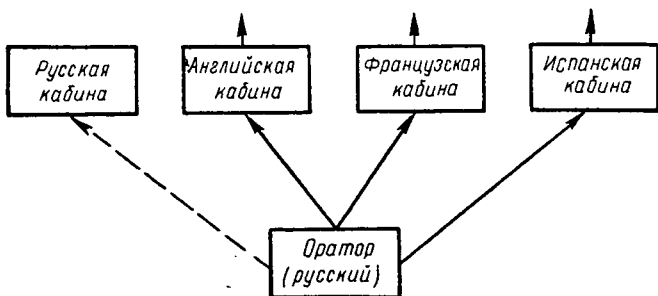
А. Д. Швейцер  
(Москва)

### К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ РАЦИОНАЛЬНОЙ СХЕМЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Синхронный перевод, получивший значительное распространение в послевоенные годы благодаря развитию радиоэлектроники, завоевал всеобщее признание. В настоящее время почти ни одна международная встреча не обходится без синхронного перевода, который обладает рядом существенных преимуществ по сравнению с переводом последовательным (экономия времени, более непосредственный контакт между говорящими на разных языках и др.).

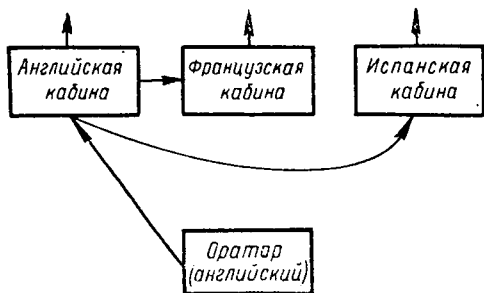
Синхронный перевод существует в течение сравнительно небольшого промежутка времени и еще переживает период своего становления. Поэтому совершенно естественно, что в этой области еще немало нерешенных проблем. Одной из них является проблема, связанная с наиболее рациональной схемой организации синхронного перевода.

Дело в том, что у нас в стране схема синхронного перевода существенно отличается от той, которая применяется в большинстве международных организаций за рубежом. Последняя может быть проиллюстрирована следующим примером:



Здесь в грубо схематической форме изображен процесс синхронного перевода на международном совещании, где принято четыре рабочих языка (русский, английский, французский и испанский). Предположим, что в данный момент выступает оратор, говорящий на русском языке. В это время русская кабина бездействует. Английская, французская и испанская кабины осуществляют прямой перевод с русского на соответствующие языки. Достоинством этой схемы является то, что она обеспечивает **прямой** перевод. Следует, однако, иметь в виду, что при этом необходимо, чтобы каждую кабину обслуживали переводчики, способные переводить на свой (как правило, родной для них) язык с остальных рабочих языков конференции. Так, например, если в каждой кабине работает по три переводчика, то один из переводчиков, обслуживающих русскую кабину, должен уметь переводить на русский язык с английского и французского, второй — с французского и испанского, а третий, скажем, с испанского и английского. Важно, чтобы иностранные языки, которыми они владеют, как бы «перекрывали» друг друга, что является необходимым условием для прямого перевода.

Подобная схема применяется у нас в стране лишь в тех случаях, когда оратор говорит на русском языке. В тех же случаях, когда выступают ораторы, говорящие на иностранных языках, используется схема перевода через «кабину-пилот» (оп relay):



Как видно из этой схемы, здесь отсутствует русская кабина. Необходимость в ней отпадает, поскольку, в отличие от предыдущей схемы, рассчитанной на односторонний перевод, здесь в каждой кабине осуществляется двусторонний

перевод: с одного из рабочих иностранных языков на русский и с русского на другой иностранный. Таким образом, каждая кабина обеспечивает двусторонний перевод в пределах одной определенной пары языков.

В нашем примере оратор выступает на английском языке. Переводчик в английской кабине переводит его выступление на русский язык (прямой перевод). Его перевод из английской кабины («кабины-пилот») поступает в зал заседаний и одновременно в остальные кабины, которые переводят выступление оратора не непосредственно, а через «кабину-пилот» (двуступенчатый перевод).

Двуступенчатый перевод имеет ряд серьезных недостатков:

1) Как показывают наблюдения, его использование влечет за собой неизбежное снижение точности и объема передаваемой информации. Хотя наибольшие потери имеют место в первом звене цепочки, они сравнительно незначительны, поскольку они приходится (или, во всяком случае, должны приходится в идеале) главным образом на долю избыточной информации. Лишенный значительной части избыточной информации, текст становится гораздо более уязвимым, так как самые незначительные в процентном отношении потери могут оказаться весьма весомыми с точки зрения смыслового содержания переводимого высказывания.

Как показывают эксперименты с обратным переводом, сохранение смысла обеспечивается лишь в том случае, когда опыт проводится в пределах одной пары языков. В случае увеличения цепочки перевод напоминает известную игру в «испорченный телефон». Как правильно отмечают И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, «подобный результат объясняется тем, что в связи с различной категоризацией последовательные модуляции и трансформации несколько меняют смысл, причем незаметный для каждой пары языков сдвиг смысла накапливается и становится ощутимым при переходе к новым системам категоризации»<sup>1</sup>. Необходимо указать, что в эксперименте с переводом «по цепочке» участвовало более трех языков и что при сведении числа звеньев в цепочке до трех степень искажения соответственно уменьшилась бы. Однако это ни в коей мере не противоречит нашему выводу о том, что введение дополнительного звена увеличивает вероятность искажений.

<sup>1</sup> И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964, стр. 160—161.



2) В отличие от схемы прямого перевода, обеспечивающей автономную работу каждого канала, схема перевода «через кабину-пилот» всецело зависит от качества работы «пилотирующего» переводчика. Любая ошибка, любая оговорка, словом, любое искажение в его переводе неизбежно дублируются на всех каналах.

3) Двуступенчатый перевод создает немало дополнительных трудностей для переводчика, работающего в «кабине-пилот» (главного переводчика). Как подтвердили опыты, проведенные в 1-м МГПИИЯ З. А. Кочкиной, процесс перевода даже у опытных переводчиков протекает как бы волнообразно с нарастаниями темпа, приходящимися на паузы в речи оратора. Такой метод в известной мере облегчает работу переводчика, которому приходится одновременно выполнять две сложные задачи: восприятие речи на слух и воспроизведение ее на другом языке. Однако при работе в качестве «главного переводчика» синхронисту приходится постоянно иметь в виду, что его собственный перевод рассчитан не только на восприятие, но и на воспроизведение. Поэтому ему необходимо поддерживать идеально равномерный темп речи, что несовместимо с техникой волнообразного перевода. Особую трудность представляют собой частые переключения с одного вида работы на другой (например, с перевода с русского на английский на перевод с английского на русский). Все это нередко вызывает известную скованность и напряженность даже у опытных синхронистов в тех случаях, когда им приходится выступать в качестве «главных переводчиков».

4) Серьезные технические трудности порой возникают в связи с необходимостью быстро переключать каналы на пульте управления, особенно при обмене краткими репликами (например, во время встреч «за круглым столом»).

Основным доводом в пользу использования у нас этой схемы является то, что она соответствует подготовке большинства наших синхронных переводчиков, которые умеют переводить лишь в пределах одной пары языков, из которых один — обязательно русский. Однако поскольку недостатки принятой у нас системы явно перевешивают ее достоинства, представляется уместным поставить вопрос о подготовке переводчиков, способных осуществить переход к более рациональной схеме. Как показывает опыт Курсов переводчиков ООН, задача подготовки переводчиков, умеющих переводить с двух иностранных языков на русский,

вполне достижима. Несколько сложнее обстоит дело с подготовкой переводчиков, способных переводить не только с русского языка на иностранный, но и с одного иностранного на другой. Тем не менее, есть все основания полагать, что многие из наших квалифицированных переводчиков-синхронистов сумеют овладеть переводом со второго иностранного языка на основной.

В связи с этим встает вопрос об организационных рамках подготовки и переподготовки синхронных переводчиков. Опыт показывает, что, поскольку синхронный перевод требует максимального автоматизма переводческих навыков, успеха в нем добивается лишь тот, кто приступает к синхронному переводу, предварительно приобретя практический опыт в последовательном и письменном переводе. Поэтому основным контингентом обучающихся синхронному переводу должны стать лица, имеющие практические навыки письменного перевода, перевода с листа (диктовки) и последовательного перевода, а подготовку их целесообразно осуществлять не в рамках вузовской программы, а на специальных курсах для лиц, окончивших высшие языковые учебные заведения и имеющих опыт переводческой работы. Это необходимо и потому, что количество часов, выделяемых на устный перевод (например, на переводческом факультете 1-го МГПИИЯ), явно недостаточно для профессионального овладения этим труднейшим видом переводческой деятельности. Для поступающих на курсы синхронных переводчиков должна быть разработана система проверочных испытаний на быстроту реакции, умение воспроизвести услышанный текст, хотя бы на том же языке и т.д.

*С. Кузьмин*  
(Москва)

#### ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОСТИ

Откликаясь на пожелание редакции «Тетрадей» в адрес переводчиков сообщить свое мнение по вопросу, затронутому в статье И. Бородянского «Об одной переводческой ошибке»<sup>1</sup>, в настоящих заметках постараюсь подтвердить

---

<sup>1</sup> «Тетради переводчика», № 1, М., 1963.

правильность основных наблюдений автора статьи, которые закономерно подвели его вплотную к важным теоретическим выводам. Кроме того, хотелось бы поделиться своими наблюдениями и некоторыми выводами по вопросу об адекватности перевода фразеологизмов.

Наметить пути к устранению ошибок, имеющих место при буквальном переводе фразеологизмов — такова была цель, поставленная И. Бородянским при показе анализа различных переводов одного и того же английского выражения *to heap coals of fire on somebody's head*. Разумеется, эта цель является частной задачей при решении основного вопроса установления адекватности перевода фразеологизмов.

Нельзя не отметить своевременность появления в «Тетрадах переводчика» подобной статьи. Решение указанного вопроса явится значительным пополнением теории перевода вообще и теории перевода фразеологизмов в частности.

В своей статье И. Бородянский делает по крайней мере два наблюдения, содержащих в своей основе положения принципиального характера. Во-первых, с намерением дать переводчикам практический совет автор рекомендует в качестве метода работы «не использовать цитат из русской библии, не проверив данных английских словарей». Этот совет действительно намечает пути к устранению ошибок в том смысле, что помогает п р а в и л ь н о у с т а н о в и т ь основное значение фразеологизма, подлежащего переводу. Можно лишь добавить, что этой цели также служит знание этимологии переводимого фразеологизма.

Во-вторых, автор указывает, что для признания адекватности перевода недостаточно совпадения значения фразеологизма со значением его соответствия. Необходимо и совпадение их стилей. И. Бородянский говорит, что автор «Англо-русского фразеологического словаря» А. В. Кунин впервые дал правильный перевод указанного выше английского выражения и что «несмотря на правильность (выделено мною—С. К.) следует все же отметить, что стилистически перевод неадекватен подлиннику: у Диккенса этот фразеологизм является библеизмом, в то время как русское выражение «пристыдить кого-либо, отплатить добром за зло» не является библеизмом».

Другими словами, И. Бородянский делает наблюдение, что перевод А. В. Кунина является в одно и то же время

и «правильным», и «неадекватным»; при этом адекватность зависит от совпадения стилей фразеологизма и перевода.

Попытаемся теперь рассмотреть первопричину верно подмеченного здесь явления. Прежде всего, никакого противоречия в этом наблюдении нет. Перевод А. В. Кунина безусловно является правильным постольку, поскольку составитель словаря приводит **основное** значение фразеологизма. Эта задача, отмечает сам же автор статьи, была выполнена А. В. Куниным успешно.

Каждый переводчик не раз наблюдал, что один и тот же фразеологизм по воле писателя (оратора) может приобретать различные оттенки значения, а также и разную стилистическую окраску в зависимости от вида, характера и стиля повествования. Достижение совпадения стилей (стилистической окраски) фразеологизма, взятого в контексте, с одной стороны, и его потенциального соответствия, взятого, скажем, из фразеологического словаря, где это соответствие передает значение фразеологизма в самом общем, «классическом», виде, то есть **о с н о в н о е** значение фразеологизма, — с другой, является задачей переводчика и уж, конечно, не автора словаря.

Представляется очевидным, что в целях соблюдения адекватности перевода переводчику необходимо достичь (разными способами!) **с о в п а д е н и я** показателей, точнее — **п е р е в о д ч е с к и х** **п о к а з а т е л е й** фразеологизма и (взятого из словаря) его потенциального соответствия, а именно, как на это указывает в своих наблюдениях И. Бородянский, их (1) **з н а ч е н и й** и (2) **с т и л и с т и ч е с к о й** **о к р а с к и**.

Исчерпываются ли этими двумя аспектами все переводческие показатели фразеологизма? По-видимому, нет. Правомочно ли вообще устанавливать адекватность перевода фразеологизма на основании совпадения переводческих показателей фразеологизма и его соответствия? Думается, что правомочно в той же степени, как устанавливают в физике и других науках эквивалентность двух явлений по совпадению их показателей<sup>2</sup>. Однако эквивалентность фразеологизма и его соответствия (*Custom is second nature* = *Привычка — вторая натура*) явление относительно ред-

---

<sup>2</sup> См. Л. С. Б а р х у д а р о в. Дискуссия об эквивалентности в переводе. «Тетради переводчика», № 4 (1), М., 1 МГПИИЯ, 1960, стр. 54—57.

кое для того, чтобы только с помощью эквивалентов можно было бы осуществлять перевод фразеологизмов. Это попросту невозможно, ибо разные языки развиваются по своим путям и законам. Однако среди всех показателей фразеологизма можно выделить главные, совпадение которых при переводе является критерием адекватности перевода (конкретнее: практической эквивалентности фразеологизма и его соответствия). Один из таких главных показателей был уже назван — основное значение фразеологизма.

Возьмем теперь на этот раз русский фразеологизм *сидеть сложа руки* и сравним его с английскими выражениями *not to move a finger* и *to twiddle one's thumbs*. Образы трех фразеологизмов близки друг другу. Их основные значения — 'бездействовать' — совпадают. Однако их употребления в контексте могут быть различными. Кроме того, любой фразеологизм может быть употреблен вообще лишь в определенной, возможной для его употребления ситуации. (В связи с этим, употребления фразеологизмов подаются учету.)

Фразеологизм *сидеть сложа руки* в основном употребляется, когда говорящий (пишущий) осуждает причину бездействия кого-либо, а именно: (1) лень, (2) бесполезное ожидание чего-либо и (3) успокоенность достигнутым.

Употребление (и его цель) может оказывать воздействие на основное значение фразеологизма в контексте, видоизменяя его путем конкретизации, усиления одной из сторон основного значения.

Употребление фразеологизма должно совпадать с употреблением его соответствия. В данном случае первому употреблению выражения *сидеть сложа руки* будет соответствовать употребление английского *to sit by idly* или *to twiddle one's thumbs*. Например:

Сам я инвалид труда, получаю пенсию 54 рубля, мне бы денег хватило на жизнь, но дело в том, что я не могу сидеть сложа руки.

Второму употреблению фразеологизма (цель: осуждение бесконечного ожидания) будет соответствовать употребление *to wait endlessly* или даже *to cool one's heels for ever*. Третьему (осуждение успокоенности достигнутым) — *to sit back and relax* или *to rest on one's laurels*. Например:

США поставили перед собой задачу догнать Советский Союз по производству ракет в течение пяти лет. Но наивно было бы думать, что мы в это время будем сидеть сложа руки.

Как мы видим, несовпадение конкретного употребления фразеологизма и употребления его соответствия даже при совпадении их основных значений является признаком неадекватности перевода. И наоборот. Адекватность предполагает совпадение как основных значений, так и употреблений фразеологизма и его соответствия. Употребление является важным переводческим показателем фразеологизма.

Сравним русский фразеологизм *выносить сор из избы* с английским *to wash one's dirty linen in public*. Их основные значения совпадают. Русское выражение имеет два употребления. Оно употребляется или (1) с целью порицания чьих-либо действий, или (2) с целью констатации факта.

Пример первого употребления:

«Разве же не понятно, что удары, обрушившиеся на Смелтера,... деморализуют учителей? Кто же осмелится теперь *выносить сор из избы*, выступать с критикой недостатков?» («Известия», 22.12. 1961 г.)

Пример второго употребления:

«Словом, успех его — совершенная для меня загадка... Одно разве: осторожен он, *сору из избы не выносит*, ни о ком дурного словечка не скажет...» (И. Тургенев. «Лебедянь».)

Английское выражение имеет лишь одно употребление, соответствующее первому употреблению русского фразеологизма и имеющее целью порицание действий кого-либо. Однако очевидно, что и в случае совпадения их употреблений фразеологизм *выносить сор из избы* нельзя переводить с помощью *to wash one's dirty linen in public*.

Показатели фразеологизмов взаимосвязаны и взаимобусловлены. Фразеологизм может иметь несколько употреблений и в соответствии с этим разную эмоциональную направленность, разные обертоны (термин, употребляемый в английской литературе). Эмоциональное воздействие, передаваемое обертонами, вызывает соответствующую им ответную реакцию слушающего перевод — смех, улыбку, гнев, обиду и т. д.

Английское выражение *to wash one's dirty linen in pub-*

lis по своему эмоциональному содержанию является резким осуждением, передает насмешку, граничащую с презрением. По степени и характеру своего эмоционального воздействия оно неадекватно русскому *выносить сор из избы*, в котором само по себе нет ничего обидного для слушающего перевод, скажем, при устном двустороннем переводе.

Понимая это, некоторые переводчики меняют характер обертонов выражения *to wash one's dirty linen in public* путем перифразы, замены компонентов, несущих в себе лексически отрицательное содержание, на нейтральные в эмоциональном отношении слова (например: «...he has no taste for washing dirty linen *away from home*»). Другие же при переводе выражения *выносить сор из избы* вовсе отказываются от этого английского фразеологизма, используя иные средства (например, выражение *to tell tales out of school*).

Другими словами, переводческая практика говорит о том, что совпадение обертонов фразеологизма и его соответствия необходимо для обеспечения адекватности перевода. Ни в коем случае нельзя переводить фразеологизм, несущий положительные обертоны, с помощью соответствия, содержащего отрицательные. Между тем в некоторых случаях допустимо переводить фразеологизм с отрицательными обертонами с помощью соответствия, которое отрицательных обертонов не содержит, что является исключением из правила.

Таким образом, адекватность перевода предполагает совпадение таких переводческих показателей фразеологизмов и их соответствий, как основных значений, употреблений, обертонов и стилей. Думается, что совпадение этих показателей является достаточным, чтобы адекватность перевода фразеологизма была обеспечена.

Г. П. Петлеванный, О. С. Малик  
(Харьков)

## О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБКАХ

Общепризнанными являются достижения советской школы перевода. Тем более досадны ошибки, проскальзывающие иногда в переводы художественных произведений.

В данной статье мы остановимся на нескольких ошибках в переводе некоторых фразеологических единиц из произведений современной немецкой художественной литературы.

Буквализм, допущенный при переводе фразеологических единиц *den Laden dicht machen* 'оставить, бросить все и заниматься другими делами' и *das Rennen machen* 'выйти победителем, добиться большого успеха', привел к искажению смысла и потере образа переводимых выражений:

1. „Der Sommer geht seinem Ende zu. In den Gärten blühen die Asten, und *der Schulhausmeister macht den Laden dicht*. Kartoffelferien. Herr Fuchs nebst Gattin ist verreist, Adam ist arbeitslos“. (H. J o b s t, Der Findling, S. 203.)

«Лето близится к концу. В садах зацветают астры, а в школе *закрывают ставнями окна*. Каникулы для уборки картофеля. Господин Фукс с супругой в отъезде, поэтому Адам безработный». (Г. И о б с т, Подкидыш, перевод Л. Симонян, М., Молодая гвардия, 1962, стр. 150.)

2. „Aber das Gericht schlief. Diederich in seinem Herzen frohlockte: er hatte seine Rache an Jadassohn! Jadassohn konnte nichts vorbringen, als womit er selbst schon *das Rennen gemacht hatte!*“ (H. M a n n, Der Untertan, S. 181.)

«Но суд спал. Дидрих ликовал в сердце своем; он был отомщен. Все, что мог сказать Ядасон, он сам уже сказал им и *взял скачку*». (Г. M a n n, Верноподданный, перевод А. Полоцкой, стр. 174.)

Типичными примерами, свидетельствующими о том, какое большое значение имеет правильный выбор эквивалента при переводе такого фразеологизма, как, например, *j-m Beine machen* 'подгонять, торопить кого-л'; 'прогнать, выгнать кого-л.', являются ошибки переводчиков Л. Симонян и И. Бруснянина, избравших первый эквивалент вместо второго:

1. „Raus mit dir, das Holz liegt im Schuppen. Wenn du nicht gleich wieder hier bist, *mach ich dir Beine*, du Schlafmütze. “(H. J o b s t, der Findling, S. 154.)

«Марш отсюда. Дрова лежат в сарае. Одна нога здесь, а другая там, слышишь? *Не то вылетит пулей, понял?*» (Г. Иобст, Подкидыш, перевод Л. Симонян, стр. 112.)



2. „Gegen sie kehrte sich jetzt, das Lissy verschwunden war, Warnkes Zorn: „Was habt ihr hier zu suchen? Zuviel freie Zeit, was? Na, ich werde euch Beine machen.“ F. C. Weiskopf, Lissy, Berlin und Weimar, 1964, S. 19.)

«Так как Лисси уже исчезла, гнев Варнке обрушился на них: — Что вам здесь надо? Делать вам, что ли, нечего. *А ну, живее!*» (Ф. К. Вайскопф, Лисси, перевод И. Брусянина, М., 1964, стр. 28.)

Вследствие неправильного выбора эквивалента допущена ошибка и при переводе фразеологической единицы *reinen Tisch machen* ‘выяснить что-л., поговорить начистоту’; ‘расквитаться, расправиться с кем-л., с чем-л.’; ‘закончить что-л.’ из романа М. В. Шульца «Мы не пыль на ветру»:

„Scheinbar bußfertig ging Hagedorn nun an den Tisch, trat an die Schmalseite, so daßer Döppe zur Linken hatte, und sagte: „*Ich möchte hier reinen Tisch machen mit euch Schöpsen...* Und noch während er das sagte, griff er mit der Linken in Döppes Haar, riß ihm das Kinn hoch und traf ihn mit der Rechten wuchtig und genau auf den Punkt“. (M. W. Schulz, Wir sind nicht Staub im Wind, S. 376.)

«И с напускным беззлобием Хагедорн обошел стол и остановился возле его узкой стороны, так что Деппе был теперь от него по левую руку.

— Уж если... — начал он и запнулся, как бы от смущения. — *Уж если вносить ясность, так до конца...* — С этими словами он схватил Деппе левой рукой за волосы, так, что тот вскинул подбородок, а правой изо всей силы нанес удар снизу». (М. В. Шульц, Мы не пыль на ветру, перевод Н. Манн и С. Фридлянд, М., «Прогресс», 1964, стр. 334.)

Неправильно переведены также выражения *j-m ein Zugeständnis machen* ‘уступить кому-л.’ ‘пойти на уступку’ и *j-m einen Abstrich machen* (мед.) ‘взять мазок у кого-л.’ в нижеследующих отрывках:

„*Das letzte Zugeständnis, das er Rita machte*, war ein Gang zu Rudi Schwabe, um für Martin zu sprechen». (Ch. Wolf, Der geteilte Himmel, S. 214.)

«Во время последнего откровенного разговора с Ритой он признался, что ходил к Руди Швабе замолвить слово

за Мартина. (К. В о л ь ф, Расколотое небо, М., «Прогресс», 1964, стр. 160.)

„Die Wagen jagten zum Polizeipräsidium. Aber auch diese Episode war kaum etwas anderes als eine neue Attraktion auf dem Rummelplatz, der sich Leben nannte, Leben von A bis Z, von Alkolat bis“ *Zier dich doch nicht, Mensch, die wollen dir ein Abstrich machen*, deswegen bist du doch hier!“ (D. N o l l, Die Abenteuer des Werner Holt, 11, S. 85.)

«Машины помчались к полицей-президиуму. Но и этот эпизод оказался лишь новым аттракционом на сумасшедшей ярмарке, которая называется Жизнью — от начала до конца, — от «алколата» до «не ломайся, парень. *Возьмут у тебя отпечатки пальцев* и все. За этим тебя и привезли». (Д. Н о л л ь, Приключения Вернера Хольта, перевод И. Горкиной, Е. Закс и И. Млечиной, «Иностранная литература» № 8, 1964, стр. 54.)

Из рассмотренных нами переводческих ошибок видно, что наиболее опасным в переводческой практикѣ является буквализм, который все еще не искоренен и с которым необходимо и впредь вести решительную борьбу. Тот факт, что среди ошибочно переводимых фразеологизмов преобладают словосочетания, одним из компонентов которых является глагол *machen*, объясняется, по нашему мнению, тем, что с глаголом *machen*, становящимся ядром<sup>1</sup> немецкой идиоматики, бытует в современном немецком языке чрезвычайно большое количество фразеологических единиц различных структурных типов.

Г. Г. Почепцов  
(Киев)

#### О СОХРАНЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПОДЛИННИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Проблема сохранения авторской индивидуальности при переводе принадлежит к числу самых сложных в теории и практике перевода.

<sup>1</sup> См. E. R i e s e l. Der Stil der deutschen Alltagsrede. М., 1964, S. 80.

О теоретической неразработанности проблемы свидетельствует хотя бы тот факт, что А. В. Федоров в своей известной работе «Введение в теорию перевода», давая более или менее развернутую трактовку целого ряда вопросов теории перевода, при рассмотрении проблемы передачи в переводе индивидуального своеобразия подлинника вынужден был ограничиться лишь общей постановкой вопроса<sup>1</sup>. В большинстве учебных пособий по переводу рассматриваемая проблема вообще не отражена.

В практике перевода основное внимание переводчика зачастую сосредотачивается на возможно более полной передаче смыслового и идейного содержания подлинника. Задача важная, но не единственная. Ведь переводчик должен отразить, в иной языковой форме, индивидуальные особенности языка автора, сохранить — в пределах осуществимого — для иноязычного читателя то, что принято называть стилем писателя. Особенности эти нередко ускользают от внимания переводчика. Пренебрежение ими при переводе порождает безликие, очень схожие по своим речевым особенностям переводы-близнецы. Если по языку подлинника мы часто можем определить его авторскую принадлежность (настолько своеобразен стиль, скажем, Диккенса и Голсуорси, Драйзера и Твена), то найти отраженные в переводе различия стилей отдельных авторов значительно труднее. Здесь сказывается не только недостаточная разработанность проблемы в теоретическом плане. В отличие от смыслового содержания подлинника, которое как бы лежит на поверхности, сравнительно легко доступное переводчику, стилевое своеобразие может быть уяснено лишь на основе специального лингвистического изучения произведения в целом. При идеальном положении вещей переводчик, прежде чем приступить непосредственно к переводу, должен — на основе анализа подлинника — определить, в чем заключается своеобразие языка данного автора или произведения и решить вопрос о способах его передачи при переводе. Задача сложная, требующая, по сути, исследования.

Попытка решения в самом общем виде проблемы передачи индивидуальных особенностей языка автора неизбежно обречена на неудачу. Она по-разному будет решаться

---

<sup>1</sup> См. А. В. Ф е д о р о в. Введение в теорию перевода. Изд. 2-е, переработанное, М., 1958, стр. 337.

для родственных и неродственных языков. В первом случае многое будет зависеть в свою очередь от степени родства языков, отражающегося в сходстве их типологической структуры. Передача при переводе лексико-семантических, с одной стороны, и грамматических элементов — с другой, также имеет свои специфические особенности.

В настоящем сообщении мы попытаемся выяснить на ограниченном материале особенности передачи общего для двух родственных языков (английского и русского) грамматического явления, выступающего как стилевая особенность языка подлинника, при переводе с одного языка на другой.

Одной из характерных особенностей языка А. Кронина является широкое использование обособления. В этом можно убедиться, обратившись буквально к первой странице его романа “Shannon’s way”. В качестве примера приводим два предложения с указанной страницы. Предложения содержат целый ряд обособленных обстоятельств.

Professor Usher was in his study — *from behind the closed door on my right, with eardrums unnaturally attuned* I could hear his precise tones as he spoke, *at length*, upon the phone. *Surreptitiously*, I glanced at two other assistants who, with myself, made up the Professor’s team.

*Directly opposite*, Spence stood at his bench, racking culture tubes, awaiting the arrival of his wife. She called for him regularly, *every Friday night*, and they went out together to dinner and the theatre. (3)<sup>2</sup>

Еще несколько примеров, преимущественно других членов предложения:

Compromise was beyond him — a thing, *to him*, was either black or white. (133)

*Strong, practical, dependable, with a clear eye and fine physique, conscious of his own inner equilibrium*, he showed no sensitive flinchings. (245)

I stood quite still ... *long after she had gone*. (163)

The vision of Jean was before me, *slim and fresh, her brown eyes misted with the gloom of youth*. (131)

As I had guessed, Sister Peek was there, *alone*. (152)

---

<sup>2</sup> Цитация английского иллюстративного материала по изданию А. С r o n i n. Shannon’s way, N. Y., Bantam Books, 1956.

В приведенном примере нами не выделяются обособленные причастные обороты, так как их обособление не является проявлением индивидуального своеобразия языка данного автора.

При всем различии грамматико-семантических значений обособленных членов предложения их функция как художественного средства сходна. Обособления нарушают размеренность, «гладкость» английской фразы, вносят разнообразие в стереотипность ее построения, обусловленную фиксированным порядком слов. Повествованию сообщаются интонации живой речи. Нередко обособлениями, как это отчетливо видно в последнем примере, производится уточнение, дополнение к сказанному. Часто сочетающееся с обособлением помещение того или иного члена предложения в необычное для него положение может как бы прерывать течение мысли, придавать повествованию характер живого рассказа, когда отдельные детали, словно не продуманные заранее, вносятся по ходу мысли. Вместе с тем обособлением достигается подчеркивание, смысловое выделение соответствующего члена предложения.

Среди обстоятельств весьма распространено обособление обстоятельств качества действия, то есть обстоятельств, выраженных качественными наречиями. Например:

*Quickly*, I took myself in hand, with a glance at the weather, decided on a short walk. (265)

I stood up, *automatically*, and, like a figure moved by strings, went out of the pavilion. (287)

"It can't be true," I muttered, *inaudibly*. (254)<sup>3</sup>

Поскольку обособление присуще и русскому языку, можно было предполагать, что оно будет сохранено при переводе, тем более что оно выполняет определенную художественную функцию и потому должно быть сохранено. Обращение к русскому переводу романа<sup>4</sup> убеждает в обратном. Обособление сохранено лишь в отдельных, буквально единичных случаях. Возникает вопрос, что это? Невнимательность переводчика или языковая закономерность? Начнем с выяснения второго, ибо, лишь опираясь на лингвистические данные, можно определить, насколько прав или неправ переводчик.

---

<sup>3</sup> В работе рассматриваются лишь очевидные случаи обособления, нашедшие отражение в пунктуации. Случай типа *Awkwardly I shifted my gaze, which came to rest on the photograph before him* (101), в которых обособление хотя и возможно, но не зафиксировано на письме, не включены в рассмотрение.

<sup>4</sup> А. К р о н и н. Путь Шеннона. Перевод с англ. Т. Кудрявцевой. М., Изд-во иностр. лит., 1959.

Рассмотрение английского языкового материала и его сопоставление с русским позволяет сделать следующие выводы. В английском языке обстоятельства качества действия легко обособляются. Характерной позицией обособленных обстоятельств является положение непосредственно за определяемым глаголом и перед группой «подлежащее — сказуемое». Например:

I felt, *jealously*, that for the present our triumph must belong to us alone. (208)

"I deny, *emphatically*, that I ever lost my temper" (211)

*Frantically*, she gazed from me to the platform, where, with slow, reverberating chuffs, the train was beginning to move. (107)

Then, *forgetfully*, she let them fall into her lap and gazed at me with those weak and browless eyes. (268)

(Во всем романе нам не встретилось ни одного случая обособления обстоятельства качества действия в препозиции к глаголу). В английском языке отсутствуют какие-либо ограничения, связанные с объемом обособляемого члена предложения. Зачастую обособляются — и это видно из приведенных примеров — одиночные качественные наречия.

В русском языке возможности обособления во многом зависят от объема члена предложения, его морфологического выражения, характера связи с главенствующим словом<sup>5</sup>. В частности, одиночное качественное наречие-обстоятельство поддается обособлению с трудом, и поэтому несохранение такого обособления при переводе, в случае передачи его русским качественным наречием, является лингвистически оправданным. Например:

- |  |  |
|--|--|
| 1. I felt myself flush, <i>deeply</i> . (269)                      | Я почувствовал, что <i>густо</i> краснею. (234)                      |
| 2. "Luke", I said, <i>tensely</i> . "You've got to help me." (134) | — Люк, — <i>взволнованно</i> сказал я, — ты должен мне помочь. (123) |
| 3. <i>Slowly</i> , I streightened in my chair. (308)               | Я <i>медленно</i> выпрямился в своем кресле. (268)                   |

<sup>5</sup> О факторах, способствующих или, наоборот, препятствующих обособлению см. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е, М., 1938, стр. 379.

4. *Glumly*, I wandered back to my room. (162)

5. In my side, fostered by our nearness, there came an actual pain, an inexpressible longing which found a momentary ease, when, *involuntarily*, I took her hand and pressed it tight to mine. (212)

*Понуро* побрел я в свою комнату. (143)

От ее близости я почувствовал физическую боль в сердце и такое неодолимое томление, что *невольно* схватил ее за руку и крепко сжал — лишь тогда мне стало немного легче. (186)

Несходство между двумя языками здесь проявляется, в частности, и в том, что в английском языке качественное наречие-обстоятельство, помещенное перед группой «подлежащее — сказуемое», не вызывает инверсии главных членов предложения и, таким образом, оказывается позиционно отдаленным от глагола, что способствует обособлению. В русском же языке такое обстоятельство нередко «притягивает» к себе глагол (см. примеры 2, 4). Их контактное расположение затрудняет обособление.

Однако далеко не все случаи утраты обособления при переводе можно «списать», учитывая несоответствия особенностей данного явления в двух языках. Обратимся к следующим примерам:

1. *Slowly and carefully*, I got up and stood by the counter, close beside her. (243)

2. *Faintly*, then *more clearly*, I conceived the strains as a celestial symphony, with high angelic voices, clarion-sweet, mingling with bells and a sonorous counterpoint of drums. (274)

3. *Uncertainly*, I sat on the wall watching the rain drip from the green painted lattice — work; then dropping down on

*Медленно и осторожно* я подошел и встал у прилавка, совсем рядом с ней. (213)

Сначала *слабо*, потом все *отчетливее* я различил звуки божественной симфонии: пели высокие ангельские голоса, нежные и чистые, а им вторили колокола и зычный рокот барабанов. (240)

Я в *нерешительности* посидел некоторое время на стене, следя за тем, как капли дождя стекают с зеленой решетчатой

the near side, I skirted  
the garden and gained  
the front of the house.  
(131)

4. She had begun, almost  
*agitatedly*, to crumble  
a fragment of roll. (213)

5. Spence and I moved into  
the study where, *silently*,  
he stirred up the fire,  
poured out some whisky,  
and passed me a ciga-  
rette. (175)

беседки, затем соскольз-  
нул вниз и, обойдя дом,  
подошел к нему с фаса-  
да. (121)

В волнении она принялась  
скатывать шарик из ос-  
татков пирожка. (187)

Мы с Спенсом прошли в  
кабинет; он *молча* по-  
мешал огонь в камине,  
налил в бокалы виски  
и предложил мне сига-  
рету. (157)

Переводчик не сохраняет обособления, тем самым изме-  
няя характер отношений обстоятельств в составе предло-  
жения. Содержание английского предложения, в резуль-  
тате, оказывается переданным недостаточно полно и точно.  
Упущение является тем более досадным, что обособление  
можно сохранить. Обособление облегчается здесь тем, что  
наречие, в одном случае, входит в состав более обширной  
группы (примеры 1, 2), в другом — значение английского  
наречия передается предложной группой (примеры 3, 4).  
В последнем примере обособлению способствует наличие  
ассоциаций с деепричастием.

Ср.: 1. Медленно и осторожно, я подошел...

2. Сначала слабо, потом все отчетливее, я различил  
звуки...

3. В нерешительности, я посидел некоторое время...

4. В волнении, она принялась...

5. ... молча, он помешал огонь в камине...

Обособление может быть сохранено при перестройке  
структуры предложения, когда качество, выраженное в  
английском языке наречием, в русском переводе передается  
прилагательным или причастием, примеры чего мы встре-  
чаем и в рассматриваемом русском переводе романа. На-  
пример:

Her eyes met mine, *fiercely*,  
like a blow. (178)

Ее глаза встретились с  
моими — *безжалостные*,  
как удар хлыста. (159)



Immediately after lunch I walked to the lodge, keyed, *nervously*, with longing. (249)

Сразу после второго завтрака, *взволнованный и полный нетерпения*, я направился к привратничкой. (217)

Общие выводы можно кратко суммировать следующим образом. Даже в родственных языках общие явления грамматического строя (каким в данном случае являлось обособление) не совпадают во всех своих свойствах, что порождает специфические трудности при переводе. При передаче стиля автора неизбежны утраты, необходимо порождаемые языковыми различиями, которые, видимо, будут тем бóльшими, чем дальше будут отстоять друг от друга по особенностям своего строя язык подлинника и язык перевода. Тем более бережным должно быть отношение переводчика к тем своеобразным для того или другого автора (или произведения) языковым особенностям, которые могут быть сохранены и тем самым будут способствовать воссозданию в переводе стиля подлинника.

## V. Библиография

---

*Л. С. Бархударов, А. В. Кунин*  
(Москва)

### ЦЕННОЕ ПОСОБИЕ<sup>1</sup>

Рецензируемое пособие состоит из трех частей, рассматривающих соответственно лексико-фразеологические, грамматические и стилистические аспекты перевода. В предисловии к книге авторы подробно описывают ее структуру и знакомят читателя с задачами, которые они перед собой ставят. Пособие предназначается для прохождения при обучении переводу с английского языка на русский на старших курсах институтов и факультетов иностранных языков. Предполагается, что студенты сначала прослушают лекции «Введение в курс перевода», и лишь затем будут изучать вопросы, рассматриваемые в пособии. Каждый раздел книги состоит из вводной лекции, контрольных вопросов по теме и упражнений. Упражнения в некоторых случаях делятся на две группы — А и В. Группа А, содержащая более легкий материал, предназначена для самостоятельной домашней работы студентов; упражнения группы В предназначены для выполнения в аудитории под руководством преподавателя.

В книге дается изложение основных лингвистических проблем перевода с английского на русский язык, главным образом на материале газетно-публицистического характера, но используются также отдельные примеры и отрывки из художественной литературы.

---

<sup>1</sup> В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский, Ч. I, М., 1960; Ч. II, М., 1965.

Можно только приветствовать тщательную разработку методических принципов построения пособия, которое значительно выигрывает также и от того, что при изложении теоретических положений была обобщена практика работы наших лучших переводчиков.

В первой части пособия рассматривается широкий круг лексико-фразеологических проблем перевода: общие принципы перевода лексических единиц, вопросы перевода свободных и связанных словосочетаний, перевод фразеологии, приемы создания контекстуальных замен и особенности перевода некоторых типов слов (интернациональные слова, термины, неологизмы, модальные слова).

Раздел «Грамматические основы перевода» затрагивает такие вопросы как дословный перевод и изменение конструкции предложения при переводе, особенности передачи некоторых частей речи и грамматических форм (передача неличных форм глагола, страдательного залога, видовременных форм глагола, артикля, союзов и предлогов), перевод английских конструкций, не имеющих прямого соответствия в русском языке (абсолютных конструкций, каузативных конструкций, оборотов, по форме совпадающих со сравнительными).

В разделе, посвященном жанрово-стилистическим вопросам перевода, авторы рассматривают три основные группы вопросов: лексико-стилистические, грамматико-стилистические и вопросы передачи отдельных жанров речи. В книге подробно рассматривается общий вопрос передачи стилистических особенностей текста, а именно прием компенсации. Лексико-стилистические вопросы перевода объединяются в следующие группы: образные средства, игра слов, цитаты и аллюзии, аллитерация. В разделе, посвященном грамматико-стилистическим средствам, рассматривается вопрос о передаче стилистических повторов, синтаксических контрастов и риторических вопросов. Раздел, рассматривающий особенности перевода отдельных жанров речи, охватывает такие жанры как официально-деловые материалы, научно-техническая литература, информационно-описательные материалы и публицистика.

В первой книге пособия имеются, кроме основного материала, также три приложения: советы по использованию при переводе словарей и справочных пособий, упражнения на повторение пройденного материала и образец лексического анализа связного текста. В качестве приложе-

ния ко второй книге даются упражнения на повторение пройденного материала.

Давая общую оценку книге в целом, следует прежде всего подчеркнуть, что она может быть только весьма положительной: мы имеем дело с одним из наиболее интересных и практически полезных пособий по вопросам перевода, вышедших в свет за последние годы (число их, как известно, не так уж велико). Потребность в такого рода пособиях является настолько насущной, что сам по себе факт выхода в свет рецензируемой книги уже является желанным событием. Тем более, мы имеем дело с коллективом высококвалифицированных авторов, чьи заслуги в области создания теории перевода в нашей стране общеизвестны.

К числу несомненных достоинств книги следует отнести: широту охвата переводческой проблематики, систематическое привлечение контекста для выявления особенностей перевода тех или иных языковых единиц, высокое качество, в подавляющем большинстве случаев, предлагаемых переводов, тонкий переводческий анализ, использование современного материала. Особо хочется выделить, как положительный фактор, обилие и разнообразие упражнений. Теоретический уровень книги, безусловно, весьма высокий.

При всех ее бесспорных достоинствах книга не лишена и отдельных недостатков. Мы считаем необходимым остановиться на них подробнее, надеясь, что критика в адрес пособия поможет авторам произвести доработку при переиздании книги.

Начнем с анализа первой части книги.

Иногда авторы дают неточное определение, а затем, как бы спохватившись, начинают улучшать его. Так, на стр. 5 (ч. I) читаем: «В процессе перевода, т. е. передачи мысли, выраженной на одном языке, средствами другого языка, грамматические и лексические факторы воспринимаются в неразрывной связи и в постоянном взаимодействии».

Мысль о связи и взаимодействии грамматических и лексических факторов безусловно верна. Но определение перевода неточное, так как в основе его лежит отрыв плана содержания от плана выражения. Авторы пособия прекрасно понимают, что задачей перевода является не только передача смыслового содержания: «Таким образом, оконча-

тельный вариант перевода должен точно передавать не только смысловое содержание, но и экспрессивно-стилистическую окраску английского слова» (ч. I, стр. 20).

Аналогичным образом определяется антонимический перевод:

«Антонимический перевод представляет собой крайнюю ступень смыслового развития при переводе. Сущность приема антонимического перевода заключается в использовании в переводе слова или словосочетания, имеющего значение, противоположное значению английского слова или словосочетания в подлиннике» (ч. I, стр. 74).

Это ошибочное определение уточняется на той же странице, где подчеркивается, что основным показателем в таких случаях является изменение при переводе формы предложения, то есть замены утвердительной формы на отрицательную и наоборот.

На стр. 79 (ч. I) авторы приводят следующий пример антонимического перевода: *the inferiority of the enemy — превосходство наших войск*. Этот пример не укладывается даже в рамки уточненного понимания антонимического перевода, так как при переводе нет замены утвердительной формы отрицательной или наоборот.

Прием антонимического перевода рассматривается в пособии как один из приемов создания контекстуальных замен.

Что же такое контекстуальная замена? На этот вопрос мы находим ответ на стр. 22 (ч. I): авторы подчеркивают, что термин «контекстуальная замена» употребляется в тех случаях, когда в связи с особенностями конкретного контекста переводчик отказывается от использования существующего лексического соответствия и подбирает вариант перевода, подходящий лишь к данному случаю. Поскольку антонимический перевод является одним из приемов контекстуальных замен, то совершенно очевидно, что авторы считают и этот вид перевода «подходящим лишь к данному случаю».

С такой трактовкой антонимического перевода мы не можем согласиться. Конечно, прием антонимического перевода во многих случаях применяется только при переводе данного контекста и является тем, что мы называем обертональным переводом. Однако авторы упускают из виду, что наряду с этим антонимический перевод может быть и закономерным словарным соответствием, пригодным

в самых различных контекстах. Приводим пример подобного перевода: *don't count your chickens before they are hatched* — *цыплят по осени считают*.

Исходя из указанных выше соображений, мы считаем безоговорочное отнесение приема антонимического перевода к контекстуальным заменам необоснованным.

При рассмотрении приема контекстуальных замен в пособии наблюдается явная диспропорция: приему антонимического перевода уделяется в 2,5 раза больше места, чем смысловой дифференциации и конкретизации при переводе и смысловому развитию при переводе, вместе взятым.

Очень кратко разбирается перевод фразеологических единиц. Это, очевидно, вызвано небольшим объемом пособия. Вопросы перевода фразеологизмов скорее ставятся, чем решаются. В частности, почти совсем не рассмотрен вопрос о том или ином переводе фразеологической единицы в зависимости от контекста, в котором она употребляется.

В пособии имеются отдельные неточности в переводе. Мы заметили только два таких случая. *Bread line* переводится *очередь за пособием по безработице* (стр. 107). В словаре Вебстера читаем: *bread line* A line of persons waiting to receive bread (or other food) given as charity.

Таким образом, *bread line* следует переводить: *очередь безработных за благотворительной помощью*. Пословица *make hay while the sun shines* переводится *куй железо, пока горячо*. Следовало бы первым переводом дать более близкий по образу: *коси коса, пока роса*. Оборот *set the Thames on fire* дается в неверной форме. Должно быть *put the Thames on fire* (ч. I, стр. 64). В термине *The First Lord of the Admiralty* пропущен артикль перед словом *Admiralty* (ч. I, стр. 107). В двух случаях английские обороты даются в руссифицированной форме, невозможной в английском языке. Вместо *strike while the iron is hot* дается *strike the iron, while it's hot* (ч. I, стр. 64), а вместо *The Secretary of State* приводится *State Secretary* (ч. I, стр. 107). Американский термин является сокращением английского *The Secretary of State For Foreign Affairs*.

Вряд ли целесообразно термины, всегда употребляющиеся с определенным артиклем, давать то с артиклем, например, *The US Steel Corporation* (ч. I, стр. 115), *The Standard Oil* (ч. I, стр. 118), то без артикля, например,

Home Office, Board of Trade, Admiralty (ч. I, стр. 107). В подавляющем большинстве подобных случаев артикль в начале словосочетания в книге опускается, что может привести учащихся к ошибкам.

Более серьезными недостатками, на наш взгляд, страдает вторая часть пособия (раздел «Грамматические основы перевода»). Прежде всего, мы позволим себе не согласиться с выдвигаемым авторами понятием «одноименных соответствий». Как вытекает из определения, даваемого на стр. 10, ч. II, этим термином авторы обозначают грамматические категории, носящие одно и то же название в грамматике английского и русского языков. Авторы утверждают, что эти «одноименные соответствия обладают, как правило, одинаковым грамматическим значением» в английском и русском языках. (Т а м ж е.) С этим трудно согласиться. Известно, что одно и то же название в разных языках могут носить категории, лишь частично совпадающие, а порой и вообще не совпадающие по значению. Сами авторы в дальнейшем, вопреки сказанному, указывают, что, например, английские и русские причастия, английские и русские страдательные конструкции и т. п. лишь частично совпадают по кругу выражаемых значений. Стало быть, «одинаковость названия» тех или иных грамматических явлений в разных языках еще ни о чем не говорит. В доказательство своего положения об «одноименных соответствиях» авторы приводят всего два примера: категорию числа в русском и английском языках и существительные в этих двух языках. Но примеры эти убеждают нас как раз в обратном. Случаи несовпадения форм числа в английском и русском языках общеизвестны (ср. англ. *oats* — русск. *овес*, англ. *outskirts* — русск. *опушка*, англ. *money* — русск. *деньги*, англ. *ink* — русск. *чернила*, англ. *sledge* — русск. *сани* и пр.; к сожалению, в учебнике об этом ничего не сказано). Что же касается существительных, то и здесь многочисленные случаи замен при переводе с английского языка на русский и обратно доказывают отсутствие полного совпадения. С нашей точки зрения, речь может идти лишь о большей или меньшей степени совпадения круга значений грамматических форм, но никогда об их полном совпадении. Иными словами, то, что авторы называют «одноименными соответствиями», в действительности представляет собой лишь особый случай **ч а с т и ч н ы х с о о т в е т с т в и й**, харак-

теризуемый большой степенью частоты совпадения значений.

Серьезные возражения вызывает также трактовка авторами так называемого дословного перевода. На стр. 18—19, ч. II мы читаем: «Дословный перевод является распространенным способом перевода английского предложения. Естественно, что, прежде чем менять грамматическую конструкцию при переводе, переводчик должен выяснить, нельзя ли достичь адекватности при помощи аналогичной конструкции в русском языке. Изменение структуры предложения при переводе должно быть оправдано невозможностью применить дословный перевод по вполне определенным причинам». Итак, мы узнаем, что: 1) дословный перевод является распространенным способом перевода (что означает «распространенный» — остается неизвестным, так как никаких точных цифр авторы не приводят); 2) дословный перевод — естественный вид перевода, из чего можно сделать только то заключение, что перевод недословный является менее естественным или даже вообще неестественным; 3) недословный перевод допустим только тогда, когда перевод дословный оказывается невозможным, то есть недословность перевода как явление, очевидно, малоестественное всегда требует оправдания, в то время как перевод дословный ни в каких оправданиях не нуждается. Со всем этим мы принципиально несогласны. Единственным требованием, которое мы можем предъявлять к переводу, является требование адекватности; что касается дословности перевода, то она, на наш взгляд, вообще не является ни самоцелью, ни распространенным явлением, и нет никаких оснований считать дословный перевод более «естественным», чем недословный. Утверждение же, что недословность перевода «должна быть оправдана невозможностью применить дословный перевод», неверно по существу и может иметь весьма печальные последствия для практики перевода и подготовки будущих переводчиков: следуя этому совету, переводчик будет всегда довольствоваться «возможным» переводом и никогда не будет стремиться отыскать не просто возможный, но оптимальный вариант перевода. Так, если авторы правы, то английское предложение *I have many friends* следует переводить как «Я имею много друзей», а перевод «У меня много друзей» недопустим, ибо он не



может быть «оправдан» невозможностью дословного перевода. Между тем адекватным является именно второй перевод, несмотря на «возможность» дословного перевода. Авторы пособия забывают, что не всякий «возможный» перевод является в то же время самым лучшим с точки зрения стиля и идиоматики (англичане в таких случаях говорят: Good grammar and bad English). Если что и нуждается в «оправдании», то это, с нашей точки зрения, как раз дословный перевод, который почти всегда граничит с буквализмом. Подобного рода утверждения авторов пособия могут быть восприняты как теоретическое оправдание стремления неопытных переводчиков к буквализмам в переводе и поэтому должны быть отвергнуты самым решительным образом.

Переходя к более частным возражениям, следует отметить, что употребляемый авторами термин «смысловая структура словосочетания» (см. стр. 23 и др., ч. II) явно неудачный; как видно из определения, речь идет совсем не о смысловых отношениях внутри словосочетания, а о чисто формальных ограничениях в сочетаемости слов, которые не могут, как правило, получить семантическое объяснение и определяются обычно языковой традицией.

Упражнения, предлагаемые в пособии как средство развития навыков перевода, иногда являются чересчур трудными, а порой и вообще непосильными для студентов даже старших курсов. Так, на стр. 273, ч. II для перевода предлагаются следующие английские предложения: 9. An adversary may be reckoned with, a book quoted from, a man may be run over, or stared at, or talked about, or looked after in English. 10. A doctrine may be fought against, an argument may be insisted on, or lost sight of, an opportunity may be availed of in newspaper English. Ясно, что в этих предложениях идет речь об особенностях английского языка; стало быть, единственным возможным «переводом» здесь может быть только: *По-английски можно сказать...* и дальше все следует оставить без перевода, ибо нельзя переводить языковой материал, который сам выступает в качестве объекта исследования (в самом деле, предложение The Past Tense of “go” is “went” нельзя переводить как *Прошедшее время глагола «ходить» — «шел»*, а можно только как *Прошедшее время глагола “go” — “went”*). Это, конечно, крайний случай; но и в целом ряде других

мест складывается впечатление, что авторы несколько переоценивают возможности учащихся; например, в ч. I пособия, на стр. 50, студентам предлагают перевести (самостоятельно!) такие словосочетания, вырванные из контекста, как *Grand Chaco war* или *Colombo humbug*, которые переведет далеко не всякий преподаватель.

Наконец, говоря о грамматической части, следует отметить, что и здесь наблюдается диспропорция при рассмотрении материала: так, столь распространенному и важному явлению, как замена членов предложения при переводе, посвящено всего три страницы (в то время как проблеме передачи игры слов — безусловно, интересной и трудной, но все же узко специальной — посвящено целых пять страниц). Некоторые явления, представляющие трудность для начинающих переводчиков, вообще обойдены молчанием; например, ничего не говорится о переводе такой идиоматичной английской конструкции, не имеющей дословного соответствия в русском языке, как инфинитивные сочетания типа *the last man to do it, a book to read, with only a cat to care for, etc.*

Замечания по стилистической части пособия немногочисленны. Нам представляется неоправданным введение термина «фразеологическое значение слова», когда речь идет о стилистическом приеме, называемом «зевгмой». Это создает впечатление, что зевгма возникает лишь путем обыгрывания фразеологизма. Но это не всегда так. Правильнее определять зевгму как «отношение одного слова одновременно к двум другим в разных смысловых планах»<sup>2</sup>. Конечно, и это определение не совсем точно (например, число слов при зевгме может и не ограничиваться двумя), но оно все же точнее, чем понимание зевгмы, предлагаемое в рецензируемой книге. Авторы не упоминают, что этот вид игры слов может и не иметь никакого отношения к фразеологии и быть основанным, например, на реализации основных и производных значений слова: *Clara... was not a narrow woman either in mind or body (J. Galsworthy, The Freeland)*<sup>3</sup>. Возможны и другие типы зевгм (например синтаксические).

В разделе «Особенности перевода отдельных жанров

---

<sup>2</sup> И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 155

<sup>3</sup> Там же, стр. 154.

речи» хотелось бы видеть более подробный обзор особенностей научно-технических текстов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что указанные недочеты не снижают ценности пособия, которое станет настольной книгой переводчиков с английского языка на русский. Мы надеемся, что они будут устранены при переиздании книги, в чем, особенно если говорить о ее первой части, уже назрела необходимость.

## VI. Консультация

---

О. Д. Вейцман  
(Ленинград)

### ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

**В о п р о с:** В последнее время в общественно-политической литературе ГДР часто встречается понятие *metallurgische Industrie der zweiten Verarbeitungsstufe*. Что это означает и как следует переводить это понятие на русский язык? (Спрашивает группа переводчиков).

**О т в е т:** Принятый в ГДР термин *metallurgische Industrie der zweiten Verarbeitungsstufe*, обозначающий дальнейшую холодную и термическую обработку готового проката (*Walzstahl*) с целью улучшения его качества, переводится как 'металлургическая промышленность второй степени обработки'.

**В о п р о с:** Из статьи А. Фитерман «К вопросу об истории перевода в России в XVIII в.», опубликованной в Ученых записках I-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, мы узнали, что А. Н. Радищев был членом «Собрания переводчиков», учрежденного в октябре 1768 года<sup>1</sup>. Какие книги в переводе А. Н. Радищева вышли из печати? (Спрашивает группа студентов.)

**О т в е т:** А. Н. Радищев занимался переводами с французского и немецкого языков. Он перевел книгу Мабли «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастья греков», которая вышла из печати на русском языке в 1773 году тиражом 650 экземп-

---

<sup>1</sup> См. А. Ф и т е р м а н. К вопросу об истории перевода в России в XVIII в. Ученые записки I МГПИИЯ., том XIII, кафедра перевода, М., 1958, стр. 18.

ляров, и «Офицерские упражнения» (перевод с немецкого), изданную на русском языке в 1777 году также тиражом 650 экземпляров.

В одной из самых замечательных русских книг, сыгравшей большую роль в развитии и русской революционной мысли, и русской литературы — «Путешествие из Петербурга в Москву» — имеются высказывания А. Н. Радищева о переводе, которые включены в сборник «Русские писатели о переводе XVIII—XX вв.»<sup>2</sup>.

В о п р о с: Что означает аббревиатура Promi (операция «Проми»), встречающаяся на страницах прогрессивной западногерманской печати? (Спрашивает группа преподавателей.)

О т в е т: Немецкой аббревиатурой Promi обозначалось министерство пропаганды — Propagandaministerium. В начале пятидесятых годов в ФРГ для координации и концентрации пропагандистской деятельности было предложено создать при правительстве ведомство «народного просвещения». Инициаторами этого предложения выступили статс-секретарь федерального канцлера Ленц (ныне покойный), и, что особенно характерно, его преемник Глобке. По аналогии с министерством пропаганды Геббельса в фашистской Германии этот план получил у журналистов название операции «Promi»<sup>3</sup>.

В о п р о с: Как переводится на русский язык немецкое слово Jugendweihe? (Спрашивает группа переводчиков).

О т в е т: Перевод реалий общественной жизни требует от переводчика особого внимания. «Национальное своеобразие подлинника неразрывно связано с историей общества, с историей народа, — указывает М. М. Морозов. — Поэтому те элементы подлинника, которые непосредственно связаны с историей данного народа, т. е. так называемые исторические реалии, требуют к себе особого внимания»<sup>4</sup>.

---

<sup>2</sup> «Русские писатели о переводе XVIII — XX вв.» Л., «Советский писатель», 1960, стр. 62. Составители сборника озаглавили эти отрывки «Стихотворный перевод» и «Перевод и цензура».

<sup>3</sup> Подробнее см. Г е р б е р т Б е р ч. ХДС/ХСС без маски. Пер. с немецкого Р. А. Крестьянинова, Н. С. Португалова и И. М. Шрайбера. Под ред. и со вступительной статьей З. С. Шейниса. М., Изд-во иностр. лит., 1963, стр. 387.

<sup>4</sup> М. М. М о р о з о в, Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык, М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1956, стр. 17.

Примером этого может служить перевод на русский язык немецкой реалии Jugendweihe. В данном случае задача усложняется еще и тем, что мы имеем дело с понятием, содержание которого претерпело исторические изменения.

В настоящее время встречается несколько вариантов передачи Jugendweihe на русском языке: гражданская конфирмация<sup>5</sup>, праздник совершеннолетия<sup>6</sup>, праздник вступления молодежи в жизнь<sup>7</sup>, гражданское посвящение в жизнь<sup>8</sup>.

Для того, чтобы решить, в каком случае следует употреблять тот или иной из приведенных вариантов, рассмотрим, в чем заключается сущность праздника Jugendweihe.

*Jugendweihe* — старый обычай немецкого рабочего движения, который продолжается в Германской Демократической Республике на новой основе. До образования ГДР организаторами этого торжества были свободомыслящие родители, в основном передовые рабочие.

Вот что рассказывает о торжестве Jugendweihe Эрнст Тельман, принимавший в нем участие в 1900 г.: „Der große Saal war brechendvoll. Ich staunte und war begeistert. Alles nur Jugendliche meines Alters. Was für eine Masse, welche Begeisterung. Der Gesang, welche Wirkung auf mich und alle, welche Freude! Was war die Konfirmation in der Rukteschel-Kirche dagegen! (выделено мною. — О. В.). Dann kam für mich das große Erlebnis. Der Redner des Tages erscheint. Donnerartiges Getöse und rauschender Beifall der ganzen Jungmannschaft. Er beginnt, er schildert den Kapitalismus, das schwere Los der Arbeiterkinder und Arbeitereltern, spricht von der Bedeutung der vor uns liegenden Jugendjahre und gibt einen kurzen, verständlichen Umriß über die politische Situation und die Aufgaben der

<sup>5</sup> «Немецко-русский словарь». Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958, стр. 626; «Германская Демократическая Республика. 300 вопросов и ответов». Пер. с немецкого Ю. Д. Кошелева, В. В. Семина и Н. Т. Увайского. М., ИЛ, 1962, стр. 271.

<sup>6</sup> «Немецко-русский словарь». Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой, М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958, стр. 626.

<sup>7</sup> «Германская Демократическая Республика. 300 вопросов и ответов». Пер. с немецкого А. А. Плюто и В. Б. Роденфельда. М., ИЛ, 1959, стр. 216.

<sup>8</sup> И. Л е в ч е н к о. Люди новой Германии, М., «Госполитиздат», 1959, стр. 105.

Arbeiterjugend: Euer Leben beginnt ernster zu werden. Einzeln seid ihr nichts, geschlossen und vereint seid ihr alles! Folgt den roten Fahnen der Freiheit! Folgt dem leuchtenden Banner des Sozialismus! Werdet Mitkämpfer für Wahrheit und Recht, für die heilige Sache des Sozialismus! ...Erfüllt überall eure Pflicht! Kämpft Seite an Seite mit den alterproben Kämpfern! Erkennt eure große geschichtliche Mission im Zeichen des vorwärtstürmenden Sozialismus, denn auf euren Schultern, in euren jugendlichen Händen liegt die Zukunft der arbeitenden Menschheit, liegt die gewaltige Aufgabe, der Sieg des Sozialismus!“<sup>9</sup>

Рудольф Линдау в своей статье „Ernst Thälmann ging zur Jugendweihe“ указывает, что это торжество произвело большое впечатление на Эрнста Тельмана; впервые в своей жизни он почувствовал силу рабочего класса<sup>10</sup>.

„Ich persönlich nahm an den Jugendstunden zur Vorbereitung der Jugendweihe in Leipzig vom Herbst 1906 bis Ostern 1907 teil,— вспоминает тов. Вальтер Ульбрихт.— Meine Mutter sagte mir, es sei für mein weiteres Leben von Nutzen, wenn der Schritt ins neue Leben, in das Leben der Erwachsenen durch die Teilnahme an der Jugendweihe vorbereitet würde“<sup>11</sup>.

В то время как церковь, устраивая конфирмацию, рассчитывает на то, чтобы воздействовать на воображение детей, и тем самым содействовать воспитанию подрастающего поколения в духе покорности церкви, свободомыслящие родители еще в кайзеровской Германии и позже, в годы Веймарской республики, устраивали торжество Jugendweihe, которое должно было подготовить юношей и девушек к вступлению в сознательную жизнь; во время проведения этого праздника и бесед, предшествующих ему, молодежи рассказывали о традициях немецкого рабочего класса, о классовой борьбе.

В Германской Демократической Республике этот старый обычай немецкого рабочего движения продолжается на новой основе: „Das Ziel der Jugendweihe ist es, die Kinder durch vorbereitende Jugendstunden und die abschließende Jugendweihefeier für den Eintritt in das Leben der Erwachsenen, auf ihre Teilnahme am sozialistischen Aufbau

---

<sup>9</sup> „Neues Deutschland“, 20 April 1958.

<sup>10</sup> I b i d.

<sup>11</sup> „Neues Deutschland“, 1. Oktober 1957.

*vorzubereiten* (выделено мною. — О.В.) In den Jugendstunden werden die Kenntnisse und Erkenntnisse der Kinder vor den Entwicklungsgesetzen in Natur, Gesellschaft und im Denken vertieft und erweitert. Arbeiterveteranen, Aktivisten, Wissenschaftler, Ärzte und Künstler sprechen zu den jungen Menschen ... Die Jugendstunden und die Jugendweihe dienen der *Entwicklung zu charakterfesten und allseitig gebildeten Menschen* (выделено мною. — О. В.). Die Teilnahme ist daher für alle Jungen und Mädchen sehr nützlich, gleichgültig in welcher Weltanschauung die Kinder erzogen wurden“<sup>12</sup>.

В 1954 году было опубликовано обращение Центрального Совета по проведению этого праздника<sup>13</sup>, и в марте 1955 года в столице ГДР — Берлине (в районе Кёпеник) — был впервые проведен этот праздник молодежи<sup>14</sup>.

«Немецкое слово *die Jugendweihe*, обозначавшее до образования ГДР гражданскую конфирмацию, то есть торжество, устраиваемое свободомыслящими родителями по исполнению ребенку 14 лет (вместо церковной конфирмации), *в настоящее время является названием торжественного массового праздника совершеннолетия немецких девушек и юношей, оканчивающих среднюю школу, который готовится и проводится специальным комитетом в государственном масштабе* (выделено мною. — О. В.)»<sup>15</sup>.

Следовательно, если речь идет о торжестве, которое устраивали свободомыслящие родители до образования ГДР, то, как нам кажется, *Jugendweihe* следует переводить как *гражданская конфирмация*; когда же речь идет о массовом празднике в ГДР, то *Jugendweihe* следует переводить как *праздник вступления молодежи в жизнь* или *гражданское посвящение в жизнь* (сравни: „...die Kinder... für den Eintritt in das Leben der Erwachsenen, auf ihre Teilnahme am sozialistischen Aufbau vorzubereiten“<sup>16</sup>; „Mit dem Tag der Jugendweihe tretet ihr in das Leben der Er-

---

<sup>12</sup> „DDR. 300 Fragen — 300 Antworten“, 5. völlig neu bearbeitete Auflage. B., 1961, SS. 260—261.

<sup>13</sup> „Geschichtliche Zeittafel der Deutschen Demokratischen Republik 1949—1959“, Kongres-Verlag, B., 1959, S. 176.

<sup>14</sup> *Ibid.*, S. 192. См. также „Junge Welt“, 29. März 1955.

<sup>15</sup> М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. Лексикология современного немецкого языка. М., «Высшая школа», 1962, стр. 156—157.

<sup>16</sup> „DDR. 300 Fragen — 300 Antworten“, B., 1961, S. 260.



wachsenen unserer sozialistischen Gesellschaft ein“<sup>17</sup>; „...die Weihe für das künftige Leben“<sup>18</sup>.

В настоящее время и в Западной Германии свободомыслящие родители устраивают вместо церковной конфирмации торжество Jugendweihe. Так, например, в 1963 г. в Гамбурге около 1500 юношей и девушек приняли участие в этом торжестве<sup>19</sup>; в Бремене в течение только одного дня в Jugendweihe участвовало 170 человек<sup>20</sup>. В данном случае, когда речь идет об этом празднике в Западной Германии, то Jugendweihe следует переводить как *гражданская конфирмация*.

При переводе слова Jugendweihe можно также прибегнуть к транслитерации (что нам и кажется наиболее правильным) так, как это, например, сделала И. Левченко в своей книге «Люди новой Германии»<sup>21</sup>.

Транслитерируя слово Jugendweihe, следует привести комментирующее пояснение<sup>22</sup>.

---

<sup>17</sup> W. U l h r i c h t. Lernt die Welt erkennen und verändern. „Junge Welt“, 4. Februar 1958.

<sup>18</sup> „Neues Deutschland“, 8. April 1963.

<sup>19</sup> „Neues Deutschland“, 16. März 1963.

<sup>20</sup> „Neues Deutschland“, 21. März 1963.

<sup>21</sup> И. Л е в ч е н к о. Люди новой Германии. М., Госполитиздат, 1959, стр. 104—106.

Прибегая к транслитерации, слово Jugendweihe следует передать как ю г е н д в а й е, а не ю г е н д в е й х е, как это сделано у И. Левченко.

К вопросу о транслитерации см. Л. В. Щ е р б а. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. М., «Известия Комиссии по русскому языку АН СССР», Л., 1931, т. I, стр. 187—196; К. Ч у к о в с к и й. Высокое искусство. М., Гос. изд-во художественной литературы, 1941, стр. 213—219; А. В. Ф е д о р о в. Введение в теорию перевода, изд. 2-е, переработанное, М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1958, стр. 165—169.

<sup>22</sup> О целесообразности комментирующих пояснений при транслитерации см. А. В. Ф е д о р о в. Введение в теорию перевода.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## I. Вопросы теории и истории перевода

Валентин Д м и т р и е в. Переводы «Интернационала» на русский язык . . . . .	3
В л. Р о с с е л ь с. Заботы переводчика классики . . . . .	23
Т. Р. Л е в и ц к а я, А. М. Ф и т е р м а н. О переводе определений со сдвинутым грамматическим значением . . . . .	34

## II. Проблемы лексикографии

В. В. К е л т у я л а. О переводе интернациональных слов	47
Л. П. С т у п и н. Необходимы двуязычные словари имен собственных . . . . .	55

## III. Вопросы методики преподавания перевода

Я. И. Р е ц к е р. Основные этапы подготовки переводчика	63
Э. С. А з н а у р о в а. Задачи и методика обучения письменному переводу на старших курсах специального факультета языкового педвуза . . . . .	76

## IV. Заметки

А. Д. Ш в е й ц е р. К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода . . . . .	82
С. К у з ь м и н. Заметки по вопросу об адекватности . . . . .	86
Г. П. П е т л е в а н н ы й, О. С. М а л и к. О некоторых переводческих ошибках . . . . .	91
Г. Г. П о ч е п ц е в. О сохранении индивидуального своеобразия подлинника при переводе . . . . .	94

## V. Библиография

Л. С. Б а р х у д а р о в, А. В. К у н и н. Ценное пособие	102
--	-----

## VI. Консультация

О. Д. В е й ц м а н. Вопросы и ответы . . . . .	112
---	-----

### **Тетради переводчика**

Редактор *В. П. Торпакова*. Издательский редактор *Н. И. Бажанова*. Оформление художника *Б. П. Кузнецова*. Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*. Технический редактор *Е. А. Ерхова*. Корректор *Н. А. Борисова*.

Сдано в набор 19/X 1966 г. Подписано в печать 10/II 1967 г. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,93. Тираж 15000 экз. Цена 24 коп.

Издательство „Международные отношения“  
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7. Зак. 787.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.

Ярославль, ул. Свободы, 97.







12

